

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

АКТЫ и ДОКУМЕНТЫ, ЭПИЗОДЫ КРОВАВОЙ НЕДЕЛИ

Изд. КОМУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, 32. № 44-1920

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*, 2009. Орфография оригинала полностью сохранена.

*Настоящий сборник посвящается
Комитету III-го Интернационала в Париже*

СОДЕРЖАНИЕ

Правительство Тьера и переворот

- I. Воззвание Правительства к национальным гвардейцам
- II. Официальная версия переворота

Накануне переворота:

- I. Прокламация Тьера к жителям Парижа
- II-III. Прокламации Пикара и Тьера к национальной гвардии (от 18-го марта)

Правительство Тьера в Версале готовится к борьбе

- I. Приказ Тьера (официальная депеша, полученная в мэрии Руана)
- II. Приказ мэра Версаля

Лицо революции

- I. „Journal Officiel" о перевороте (обращение Центрального Комитета)
 - II. Воззвание Центрального Комитета к народу
 - III. Выборы в Коммунальный Совет (постановление Центрального Комитета)
 - IV. Воззвание к парижскому населению (уполномочен.правит. по министр.внутрен.дел.
 - V. Воззвание Центрального Комитета к национальной гвардии
 - VI. Обеспечение столицы продовольствием (постановление Центрального Комитета)
 - VII. Призыв Центр. Ком. к стране последовать примеру Парижа
 - VIII. Борьба революцион. правительства с преступными элементами (воззвание Центрального Комитета)
 - IX. Возобновление регулярной выдачи жалованья (объявление Центр. Ком.)
 - X. Центр. Комит. о преступной политике старого правительства
 - XI. Мера военного времени (прекращ. приема частных телеграмм)
 - XII. Реорганизация городского самоуправления (воззвание уполном.префект.полиции)
- Манифест парижских депутатов к избирателям

Революция и революционное строительство

- I. Обеспечение неимущего населения
- II. Буржуазия должна заплатить военную контрибуцию. (Постановления уполном. по внутрен.делам)
- III. Устав республиканской федерации национальной гвардии (предварит, проект)
- IV. Революция 18-го марта: буржуазия и пролетариат (официозная статья)
- V. Тьер не теряет надежды (циркуляр президента Совета к префектам и супрефектам)
- VI. Организация выборов в Коммунальн.Совет (постановл. Центр.Ком.)
- VII. Версаль или Париж? (официозная статья)
- VIII. Реакционная печать призывает к бойкоту выборов
- IX. Национальное Собрание против революции (воззвание к населению армии)
- X. Предостережение реакционной прессе (по становление Центр.Ком.)
- XI. Мера к возрождению общественных учреждений (приказ Центр.Ком.)
- XII. Организация национальной гвардии (приказ Центр.Ком. о зачислении в национальную гвардию
- XIII. Протест мэров Парижа и депутатов Сены против коммунальных выборов (воззвание к национальной гвардии и ко всем гражданам)
- XIV. Назначение временных главнокомандующих
- XV. Воззвание новых главнокомандующих

Воззвания Центр. Комитета перед выборами в Коммуну:

I. К гражданам и национальным гвардейцам

II. К Гражданам

Провинция готова поддержать революцию (прибытие делегаций из провинции)

Политическая программа Коммуны (воззвание уполномоч. по внутрен. делам)

Центральный Комитет о будущей организации Коммуны

Отчет о расследовании контр-революционного мятежа

После выборов в Коммунальный Совет (воззвание Коммуны)

Общая мобилизация в ряды национальной гвардии (постановление Коммуны)

Строительство Коммуны.

I. Постановление о квартирной плате

II. Постановление о закладах

III. Коммуна готова приступить к переговорам о восстановлении почтовых сношений

IV. Автономия Парижской Коммуны (статья Journal Officiel)

V. Нормировка оплаты труда (постановление Парижской Коммуны)

Возобновление гражданской войны.

I. Сообщение Версальского правительства

II. Воззвание Коммуны по поводу наступления версальских войск

Донесение с фронта

Привлечение правительства Тьера к судебной ответственности за совершенные преступления

Отделение церкви от государства (постановление Коммуны)

На беспощадную борьбу с врагами Коммуны (статья Journal Officiel)

I.-IV. Успехи красных войск (донесен. с фронта)

Финансово-административное мероприятие (приказ уполном. по финансовым делам)

Опровержение клеветы реакционной прессы

Версаль обречен (статья Cri du peuple)

Коммунары на посту (прокламация к парижскому населению)

Декрет о найме квартир

Воззвание о борьбе с предателями (предательство национальных гвардейцев 20-го округа)

Истинное лицо „республиканской“ реакции (заметка l'Affrauchi)

Ответ на зверства реакции (воззвание Парижской Коммуны)

Постановление Коммуны о военном суде над контрреволюционерами

Заявление Баррера о зверствах Версальского правительства

Судьба Парижа — судьба человеческого прогресса (прокламация Центр. Комитета)

Предотвращение неправильных арестов (постановление Исполнительной Комиссии)

Жестокости версальских контр-революционеров, расстрелы военнопленных (воззвание Исполн. Комиссии Коммуны)

Орган версальского правительства о Коммуне

Приказ Ключере о дисциплине

Приказ Центральн. Комит. о батальонных собраниях и легионных советах

Домбровский — солдат революции (воззвание Исполнит. Комиссии Коммуны)

Воззвание к гражданам

Введение в армии военных и дисциплинарных судов (постановление Коммуны)

Постановление Коммуны о просрочке долговых платежей

Постановление Коммуны о гражданских женах национальных гвардейцев

Донесение с фронта (постановление Коммуны о сношении Вандомской колонны)

Геройский отпор красных войск (донесение с фронта генерала Эда)

Постановление Коммуны о недопустимости самочинных арестов, обысков и реквизиций

Созыв синдикальных камер для создания промышленной рабочей кооперации

Успехи на фронте (донесение Ключере)

Закон о мораториуме

Организация Высшей Медицинской Школы (постановление Коммуны)

Поощрение подвоза продовольствия (постановление уполном. по минист. торговли)

Дальнейшие успехи на фронте (донесение коменданта форта Ванв Ледрю)

Декларация о задачах Коммуны

Версальский официозный орган об интернационализме вождей Коммуны

Встреча беженцев из Нельи

I. Воззвание Коммуны к парижскому населению

II. Заготовка помещений (постанов. Коммуны)

III. Назначение комиссии для встречи

Борьба с изменой (воззвание по поводу сдачи форта Исси).

Закрытие реакционных газет (постановление уполном. по обществен. безопасности)

Удаление религиозных предметов из школ

Реорганизация национальной библиотеки

Реквизиция имущества Тьера (постановление директора коммунальных имуществ)

Коммуна предпочитает гибель сдаче (заметка Cri du peuple)

Борьба с дезертирством (приказ по восьмому легиону).

Заседание Парижской Коммуны (по поводу убийства версальцами маркитантки и парламентаря)

Воззвание Коммуны к версальским солдатам

На баррикады (воззвание Комитета Общественного Спасения)

Административные распоряжения по обороне Парижа (постановление Комитета Общественного Спасения)

Воззвание Комитета Общественного Спасения к версальским солдатам

Обращение Центр. Комит. к солдатам версальской армии

К оружию (воззвание Комитета Общественного Спасения)

К.Пельтан. Майская неделя

Вместо предисловия

В настоящей книжечке собраны главнейшие воззвания первого рабочего правительства — правительства Парижской Коммуны.

В этих воззваниях, как солнце в малой капле вод, отразились и сильные и слабые стороны Парижской Коммуны.

Если захотеть в одной сжатой формуле выразить все то, что делает сейчас Советское Правительство в России, можно было бы сказать: в новой исторической обстановке продолжатели дела Парижской Коммуны стараются избежать ее слабых сторон и развить ее сильные стороны.

Вам, потомкам парижских коммунаров, вам, французские коммунисты, посвящаем мы этот небольшой сборник.

Скоро исполнится 50 лет со времени Парижской Коммуны. Пожелаем, чтобы пятидесятилетие это было отпраздновано рабочими в Советской Франции. Памятник нерукотворный мы можем поставить героям-коммунарам, освободив весь мир от ига капитала.

Г. Зиновьев
2 июля 1920, Петроград

Революция, приведшая к удалению правительственных войск из Парижа и провозглашению Коммуны, произошла 18 марта. Первые недели были заняты конституированием новых властей и созданием вооруженной силы. В апреле время от времени обнаруживается тенденция и порыв к более широкому законодательному строительству, — но чем дальше, тем больше растет беспокойство от ежечасно грозящих нападений, стоящего рядом, в Версале, и все усиливающегося врага. Май уже почти всецело занят вопросом об обороне.

I. Правительство Тьера испугано и грозит казнями

Journal Officiel, находящийся еще в руках правительства Тьера, публикует в своей официальной части следующие документы:

Национальные гвардейцы Парижа.

Комитет, принявший имя центрального, захватил несколько пушек, покрыл Париж баррикадами и овладел в течение ночи министерством юстиции.

Он открыл стрельбу по защитникам порядка; он произвел аресты, он хладнокровно умертвил генерала Клемана Тома и генерала французской армии Леконта.

Кто же члены этого комитета?

Никто в Париже не знает их; их имена неведомы миру. Никто не может даже сказать, к какой партии они принадлежать. Коммунисты они, бонапартисты, или пруссаки? Или агенты какой-то тройственной коалиции? Но кто бы они ни были, они враги Парижа, который они предадут разграблению; они враги Франции, которую они предадут пруссакам; они враги республики, которую они предадут деспотизму. Их страшные преступления лишат тех, кто решится последовать за ними или подчиниться им, всякого права на снисхождение.

Захотите ли вы взять на себя ответственность за учиненные ими убийства, за разрушение, которое они произведут? Тогда оставайтесь дома. Но если вам дороги честь и ваши священнейшие интересы, присоединяйтесь к правительству республики и к Национальному Собранию.

Париж, 19 марта 1871

Министры, находящиеся в Париже:
Дюфор, Жюль Фавр, Эрнест Пикар, Жюль Симон, адмирал Потюо, генерал Ле Фло

Вот, далее, изложение событий в официальной версии, враждебной Коммуне.

Правительство, желая избежать столкновения, проявило полное терпение и умеренность по отношению к этим людям, надеясь вернуть их к здравому смыслу и своему долгу. Но эти люди, открыто восстав против закона, Организовались в повстанческий комитет и издали приказ национальной гвардии не повиноваться законным начальникам. Их деятельностью было вызвано упорное сопротивление, когда военные власти пожелали отвести пушки обратно в арсенал под охраной национальной гвардии и армии. Весь город был взволнован возведением укреплений на высотах Монмартра и Шомонского вала, и всякий, кто не лишен здравого смысла, понимал, насколько и смешно и преступно воздвигать против Парижа подобную угрозу.

Невозможно было приступить к работе, пока продолжалось подобное положение вещей; провинция чуждалась столицы, и все надежды на кредит и процветание отсрочивались на неопределенное время. Истоцив все средства к умиротворению, правительство почувствовало себя обязанным силой заставить уважать закон и вернуть национальную гвардию под власть ее законных начальников. В этот день, на рассвете, высоты были заняты, а пушки должны были быть отведены под конвоем войска в арсеналы, когда вооруженные солдаты национальной гвардии, вместе с какими то безоружными людьми, возбуждая и увлекая за собой толпу, бросились на наших солдат и вырвали у них оружие. Несколько батальонов были окружены, другие принуждены были отступить. Начиная с этого момента, мятеж овладел городом. Ниже мы расскажем, как преступные рабочие арестовали генерала Леконта и генерала Клемана Тома, попавших в свалку, и как оба арестованные были подлым образом убиты.

День протек в беспорядках, а национальная гвардия, вызванная еще утром, так и не явилась в достаточном количестве для подавления этих беспорядков. Вечером повстанцы захватили здание главного штаба национальной гвардии и министерство юстиции. С горестным удивлением спрашиваешь себя, что за цель этого преступного действия. Злоумышленники не побоялись распространить слух, будто правительство подготавливает новый переворот, что несколько республиканцев подвергнуты аресту. Это возмутительная клевета. Правительство, получившее власть от национального собрания, избранного всеобщей подачей голосов, несколько раз заявляло о своем намерении учредить республику. Люди, желающие погубить республику, это те, кто учиняет беспорядки, это убийцы, которые не колеблются сеять в городе ужас и смерть, тогда как наше спасение - только в спокойствии, труде, уважении к законам. Эти люди, конечно, слуги пли врага, или деспотизма. Мы надеемся, то их преступления вызовут справедливый гнев парижского населения, и оно восстанет, чтобы покарать их, как они того заслуживают.

Утром, около полудня, генерал Леконт, отделившийся от своего отряда, был отведен бандой насильников на улицу Розье на Монмартре, и предстал перед сборищем каких-то индивидуумов, именующих себя Центральным комитетом. Раздались крики: «Смерть!» Генерал Клеман Тома, подошедший немного спустя, в штатском платье, был узан. Один из присутствующих воскликнул: «это генерал Клеман Тома, его песенка спета». Генерал Леконт и генерал Клеман Тома, сопровождаемые сотней людей, были втолкнуты в сад. Их связали и расстреляли. Трупы их были изувечены штыками.

Это преступление, совершенное на глазах Центрального комитета, показывает степень тех ужасов, которые грозят Парижу, если только восторжествуют эти дикие агитаторы, возмущающие город и позорящие Францию.

Оба ад'ютанта генерала Леконта едва не подверглись той же участи, но были спасены вмешательством какого-то молодого человека лет 17, который воскликнул, что это ужасно, что, в конце концов, никто не знает тех, кто произносит эти смертные приговоры. Ему удалось избавить молодых офицеров от грозившей им страшной смерти.

Пусть же парижское население, до сих пор столь снисходительное к виновникам беспорядков, поймет, что оно обязано проявить вею свою энергию против подобных деяний, если не желает быть их соучастником.

II. Прокламация Тьера к жителям Парижа

Накануне революции, 17 марта, была опубликована следующая прокламация к жителям Парижа:

Жители Парижа

Мы еще раз обращаемся к вам, к вашему разуму и патриотизму, и мы надеемся, что вы выслушаете нас.

Ваш великий город, для жизни которого необходим порядок, стал свидетелем возмущения в некоторых кварталах; хотя это возмущение и не распространяется на другие кварталы, но оно препятствует возвращению к труду и благосостоянию.

С некоторого времени злоумышленники, под предлогом борьбы с пруссаками, которых уже больше нет в наших стенах, овладели частью города, воздвигли там укрепления, и держат там стражу, принуждая и вас принимать в этой страже участие; и все это по приказу таинственного комитета, который желает самостоятельно командовать частью национальной гвардии и не признает власти генерала д'Орелль, по справедливости занимающего пост вашего главы; этот комитет хочет образовать, в противовес законному правительству, установленному всеобщей подачей голосов, свое правительство.

Эти люди, причинившие вам так много зла, — те самые, которых вы разогнали 31-го октября, делают вид, что они защищают вас от пруссаков; но пруссаки только появились ваших стенах, и эти беспорядки лишь задерживают их окончательный уход. Злоумышленники портят пушки, которые, если бы они стреляли, грозили бы разрушением вашим домам и убийством вашим детям и вам самим. Наконец, они не защищают, а компрометируют республику, потому что, если в глазах Франции республика сделается неизбежно спутницей беспорядков, республика погибнет. Не верьте им и выслушайте истинную правду!

Правительство, учрежденное целой нацией, давно могло бы отнять эти похищенные у государства пушки, которые в данный момент угрожают только вам; оно могло бы снести укрепления, препятствующие только сообщению, и предать в руки правосудия преступников, осмелившихся начать, вслед за войной с иностранцем, гражданскую войну; но правительство хотело дать время обманутым отвернуться от тех, кто их обманывает. Но ведь время, предоставленное благонамеренным людям, чтобы они могли отделиться от злонамеренных, отнято у вашего отдыха, у вашего благосостояния и благосостояния всей Франции. Нельзя продолжать эту отсрочку до бесконечности. Пока длится такое положение вещей, торговля стоит, ваши лавки пусты, заказы, которые могли бы поступать со всех сторон, откладываются, вам приходится оставаться праздными, кредит не восстанавливается, капиталы, необходимые правительству для того, чтобы освободить территорию от врага, не поступают в казначейство. В ваших интересах, в интересах города, а также в интересах всей Франции, правительство решилось действовать. Преступники, желавшие установить свое собственное правительство, будут преданы, с соблюдением установленных правил, в руки правосудия. Пушки, похищенные у государства, будут возвращены в арсеналы. Для выполнения этого необходимого, справедливого и разумного дела, правительство рассчитывает на вашу помощь. Пусть добрые граждане отвернутся от дурных; они должны помогать законной власти, а не противодействовать ей. Они ускорят таким образом возвращение городу благосостояния и окажут услугу самой республике, так как беспорядок погубил бы ее во мнении Франции.

Парижане, мы обращаемся к вам с этою речью, так как мы уважаем ваш здравый смысл, ваше благоразумие и ваш патриотизм; но после этого предупреждения вы дадите нам право прибегнуть к силе, ибо необходимо во что бы то ни стало, без малейшей проволочки, немедленно же восстановить полный и незыблемый порядок, необходимое условие вашего благополучия.

Париж, 17 марта 1871

Тьер, председатель совета, глава исполнительной власти республики

Дюфор, министр юстиции

Э.Пикар, министр внутренних дел

Пуье-Кертье, министр финансов

Жюль Фавр, министр иностранных дел

Генерал *Ле Фло*, военный министр

Адмирал *Потюо*, морской министр

Жюль Симон, министр народного просвещения

Де Ларси, министр общественных работ

Ламбрехт, министр торговли.

III. Прокламации Пикара и Тьера к национальной гвардии, 18 марта

К национальной гвардии Сены

Правительство призывает вас к защите вашего города, ваших домов, ваших семей и вашей собственности.

Кучка впавших в заблуждение людей, поставив себя вне закона и повинуюсь каким-то таинственным начальникам, направила против Парижа пушки, отобранные у пруссаков.

Они оказывают вооруженное сопротивление национальной гвардии и армии. Неужели вы потерпите это? Неужели вы допустите, чтобы на глазах неприятеля, готового воспользоваться нашими несогласиями, в городе вспыхнул мятеж?

Если вы не подавите беспорядков в зародыше, республике, а, может быть, и всей Франции угрожает неизбежная гибель.

Судьба Франции, судьба республики в ваших руках.

Правительство оставило вам оружие. Возьмитесь же за оружие с твердым решением восстановить законный режим и спасти республику от анархии, которая грозит погубить ее; сплотитесь вокруг ваших начальников; только этим путем вы избегнете разорения и господства иноземцев.

Париж, 18 марта 1871

Министр внутренних дел, Эрнест Пикар

Главнокомандующий национальной гвардией Сены, генерал д'Орелль

Национальные гвардейцы Парижа!

Распускают нелепый слух, что правительство подготавливает переворот.

Правительство республики не имеет и не может иметь другой цели, кроме спасения республики. Принятые им меры были необходимы для поддержания порядка; правительство хотело и хочет покончить с этим повстанческим комитетом, члены которого, в большинстве, неизвестные населению, провозглашают коммунистическую доктрину и грозят предать Париж разграблению, а Францию могиле. Это произойдет, если национальная гвардия и армия не выступят дружно на защиту отечества и республики.

Париж, 18 марта 1871

Тьер, Дюфор, Эрнест Пикар, Жюль Фавр, Жюль Симон,
Пойе-Кертье, генерал Ле Фло, адмирал Потюо, Ламбрехт, Де Ларси.

IV. Депеша Тьера в Руан

Официальная депеша, адресованная в мэрию г. Руана

Версаль, 19 марта 1871, 8 час. 25 мин. утра.

Президент Совета правительства, глава исполнительной власти — префектам, супрефектам, командующим воинскими частями, морским префектам, председателям апелляционных судов, - генеральным прокурорам, архиепископам и епископам.

Правительство в полном составе собралось в Версале; там же собирается Национальное Собрание; армия в полном порядке, под начальством генерала Винуа, сконцентрирована там в количестве 40000 человек.

Все власти и все начальники армиях прибыли сюда. Гражданским и военным властям предписывается не исполнять никаких приказаний, кроме приказов законного правительства, находящегося в Версале, под страхом обвинения в измене.

Члены Национального Собрания приглашаются ускорить свой приезд для присутствия на заседании 20 марта.

Настоящий циркуляр подлежит опубликованию.

Подпись: Тьер

V. Версаль вооружается, о чем об'являет мэр города

Версаль, 19 марта, 10 час. утра

Печальные события, произошедшие вчера в Париже, после того, как я имел возможность обнадежить вас, вызывают сосредоточение военных сил в городе.

Глава исполнительной власти, который не должен терять связи с Национальным Собранием, присоединился к нему вместе со всеми министрами, и, таким образом, имеет теперь возможность отдавать приказы, опираясь на необходимое содействие Собрания.

Благодаря силам, находящимся в распоряжении правительства, Версалью ничто не угрожает; но на нем лежит великая обязанность.

Необходимо прежде всего, чтобы армия встретила радушный прием в городе, и я счастлив, что могу поздравить население с обнаружением самых прекрасных намерений

Будем надеяться, что умы скоро успокоятся, восстановится уважение к законам и общественный порядок; что, наконец, республика еще раз победоносно выйдет из испытания, которому ей пришлось подвергнуться благодаря разгулу анархических страстей.

Мэр г.Версаля, депутат от департамента Сены и Уазы, *Рамо*

VI. Лицо революции

20 марта 1871

10 марта Journal Officiel, попавший в руки революционеров, публикует в официальной своей части следующие документы.

1. Республиканская федерация национальной гвардии

Орган центрального комитета

Если бы Центральный комитет национальной гвардии был правительством, он мог бы, щадя достоинство своих избирателей, пренебречь оправданиями. Но его первым заявлением было, что он не собирается занять место тех, кто был сметен порывом народной бури и что простая честность обязывает его оставаться вполне точно в определенных границах полученных им полномочий; поэтому комитет представляет собою только группу лиц, которые имеют право принимать меры для самозащиты.

Порожденный республикой, начертавшей в своем девизе великое слово „братство“, комитет прощает своим оскорбителям; но он хочет раскрыть глаза тем добрым гражданам, которые, по неведению, поверили клевете.

Комитет не действовал тайком: имена его членов значатся на всех воззваниях; имена эти были не громки, но зато члены комитета не уклонялись от ответственности, несмотря на то, что она была велика.

Комитет не состоял из людей неизвестных — он был создан в результате свободного голосования двухсот пятнадцати батальонов национальной гвардии.

Он отнюдь не был зачинщиком беспорядков, ибо национальная гвардия, оказавшая ему честь признанием его авторитета, не запятнала себя ни эксцессами, ни репрессалиями; мудростью и умеренностью поведения она обнаружила свое величие и силу.

В провокации, однако, недостатка не было; правительство, однако, не переставало готовиться к тягчайшему из всех преступлений — к гражданской войне.

Оно оклеветало Париж и возбудило против него провинцию.

Оно призвало против нас наших братьев — солдат армии — и морило их на наших площадях холодом, оторвав их от домашнего очага.

Оно хотело навязать вам своего главнокомандующего.

Оно хотело ночью лишить нас наших пушек, которые мы помешали ему выдать пруссакам.

Наконец, вместе со своими перепуганными сторонниками в Бордо, оно сказала Парижу: „Ты обнаружил героизм, поэтому мы боимся тебя, поэтому мы срываем с тебя венец столицы“.

Чем же ответил на этот вызов Центральный комитет? Он основал федерацию; он проповедывал умеренность, даже больше того — великодушие; когда началось вооруженное нападение, он повторял: „не нападайте никогда и отвечайте оружием только в случае крайней необходимости“.

Он обратился с призывом ко всем духовным силам страны, ко всем способным людям; он искал содействия офицерского корпуса; его двери были всегда широко раскрыты для всех, кто стучался в них во имя республики.

На чьей же стороне были право, и справедливость? И на чьей стороне недобросовестность?

Все эти события произошли в течение такого короткого срока и так недавно, что они еще не забыты никем. Если мы пишем это накануне дня нашего отказа от власти, то, повторяем, мы имеем в виду честных людей, легкомысленно поверивших клевете, достойной только тех, кто ее выдумал.

Особенное негодование вызывает у них то обстоятельство, что наши имена неизвестны. Увы! Имена некоторых из нас были известны, очень известны, и эта известность была для нас роковой.

Знаете ли вы, к какому средству они прибегли недавно в борьбе против нас? Они лишили хлеба тех солдат, которые дали себя обезоружить, не желая стрелять в народ. И они называют нас убийцами, они, наказывающие голодом за отказ убивать.

Прежде всего, мы заявляем с негодованием, что кровавая грязь, в которой они пытаются утопить наше доброе имя, является их гнусным клеветническим измышлением.

Мы не подписали ни одного смертного приговора; национальная гвардия не приняла участия ни в одной казни

Да, и ни ей, ни нам не нужно было этого!

Эта клевета столь же нелепа, как и низка.

Впрочем, нам совестно оправдываться. В конце концов, наше поведение достаточно ясно показывает, кто мы такие. Разве мы домогались окладов или почестей? Если мы могли заслужить, и действительно заслужили доверие двухсот пятнадцати батальонов, и все же остались в неизвестности, разве это не свидетельствует о том, что мы презирали громкую популярность? Известность приобретается дешево: ценою нескольких пустых фраз, некоторой доли подлости; доказательством тому, что это так, служит недавнее прошлое.

Мы, облеченные полномочиями, возложившими на нас тяжелую ответственность, без страха и колебания выполнили вверенную нам задачу, и теперь, достигнув цели, мы говорим народу, уважения которого мы не теряли даже тогда, когда внушали ему терпение: „Вот полномочия, которые ты нам дал: в этот момент, когда мы могли бы воспользоваться ими в наших личных интересах, мы считаем нашу задачу законченной; твори теперь сам твою волю. Теперь ты свободен, господин наш. Мы, никому неизвестные еще несколько дней назад, столь же безвестными вернемся снова в свои ряды и покажем правящим, что мы можем смело с поднятой головой спуститься по ступеням твоей ратуши, зная, что нас ждет внизу пожатие твоей честной, загорелой руки.

Члены Центрального комитета

Ант.Арно, Асси, Бильорэ, Ферра, Бабик, Эд.Моро, К.Дюпон, Варлен, Бурсье, Мортье, Гуйе, Лаваллет, Фр.Журд, Руссо, Ш.Луллье, Анри Фортюне, Г.Арнольд, Виар, Бланше, Ж.Гроллар, Барру, Жерем, Фабр, Пужере, Буи.

2. К народу

Граждане!

Парижский народ свергнул ярмо, которое пытались наложить на него.

Спокойный, невозмутимый в своей силе, он без страха и без вызова ждал лишь того момента, когда наглые безумцы осмелятся посягнуть на нашу святыню — республику.

На этот раз наши братья, солдаты армии отказались поднять руку на святыню нашей свободы. Мы выражаем нашу благодарность всем; пусть теперь Париж, а с ним и вся Франция, создаст прочный фундамент для истинной республики, единственного правительства, которое навсегда положит конец эпохе вражеских нашествий и гражданских войн.

Осадное положение снято.

Население Парижа приглашается явиться в свои секции для производства коммунальных выборов.

Безопасность граждан обеспечена, благодаря содействию национальной гвардии.

Городская ратуша Парижа, 19 марта 1871

Центральный комитет национальной гвардии:

Асси, Бильорэ, Ферра, Бабик Эд.Моро, К.Дюпон, Варлен, Бурсье, Мортье, Гуйе, Лаваллет, Фр.Журд, Руссо, Ш.Луллье, Бланше, Ж.Гроллар, Варр, Жерем, Фабр, Пужере

3.

Центральный комитет национальной гвардии, принимая во внимание настоятельную необходимость установления в Париже коммунального управления, предписывает:

1. Выборы коммунального совета города Парижа состоятся в среду 22 марта.

2. Подача голосов производится по спискам и по округам.

Каждый округ избирает одного члена совета на каждые 20 тыс. жителей, и на остаток свыше 10 тыс. также по одному.

3. Выборы будут производиться от 8 час. утра до 6 час. веч. Подсчет голосов начнется немедленно.

4. Муниципальным властям всех двадцати округов поручается озаботиться в пределах их компетенции проведением в жизнь настоящего предписания.

Население будет извещено позднее о числе членов совета, подлежащих избранию в каждом округе.

Городская ратуша Парижа, 19-го марта 1871

Центральный комитет национальной гвардии:

Асси, Билльорэ, Ферра, Бабик, Эдуард Моро, К.Дюпон, Варлэн, Бурсье, Мортье, Гуйе, Лавалетт, Фр.Журд, Руссо, Ш.Луллье, Бланше, Барру, Жерем, Фабр, Пужере, Буи, Виар, Ант.Арно

4.

Граждане Парижа!

Через три дня вы будете призваны к свободному избранию парижского муниципалитета. Должностные лица, исполняющие теперь в силу необходимости, муниципальные обязанности, передадут их в руки народных избранников.

Кроме того, мы должны немедленно принять важное решение относительно мирного договора.

Мы теперь же заявляем, что твердо решили соблюдать предварительные мирные условия, желая обеспечить этим путем спасение республиканской Франции и дело общего мира.

Уполномоченный правительства
по министерству внутренних дел *В.Грелье*

5. К национальной гвардии Парижа

Граждане!

Вы поручили нам организовать оборону Парижа и защиту ваших прав.

Мы с полным сознанием заявляем, что - выполнили свою миссию: благодаря вашей мужественной поддержке и вашему удивительному хладнокровию мы прогнали правительство изменников.

Теперь наши полномочия истекают, и мы возвращаем вам наш мандат, ибо мы не стремимся занять место тех, кого только что смела буря народного негодования.

Готовьтесь все к коммунальным выборам, И дайте нам единственную награду, о которой мы мечтали — зрелище установленной вами истинной республики.

Пока же, именем народа, мы продолжаем занимать городскую ратушу.

Парижская городская ратуша, 19 марта 1871

Асси, Бильорэ, Ферра, Бабик, Эдуард Моро, К.Дюпон, Варлэн, Бурсье, Мортье, Гуйе, Лавалетт, Фр.Журд, Руссо, Ш.Луллье, Бланше, Ж.Гроллар, Барру, Жерем, Фабр, Пужере

6. Центральный комитет национальной гвардии.

Жители местностей, смежных с путями сообщения, необходимыми для подвоза в Париж жизненных припасов, приглашаются располагать баррикады таким образом, чтобы не препятствовать свободному движению повозок.

Париж, 19 марта 1871
За центральный комитет:
Гастюни, Арнольд, А.Буи

7. В неофициальной части парижского "Journal Officiel" были опубликованы 19-го марта следующие документы:

К департаментам

Начиная с 4 сентября, граждане Парижа не перестают давать блестящие и неоспоримые доказательства своего патриотизма и преданности республике; они терпеливо, с достойным величайшей похвалы мужеством, переносили все трудности долгой и мучительной осады; в настоящее время они снова оказались на высоте положения; они сделали то необходимое усилие, которого в праве была ожидать от них родина.

Проникнутое величественным, мощным спокойствием и духом республиканского порядка, парижское население сумело привлечь на свою сторону громадное большинство национальной гвардии, приобрести симпатию и добиться активной помощи со стороны армии, поддержать общественное спокойствие, избежать кровопролития и реорганизовать общественное управление; оно сохранило верность международным соглашениям и соблюдало условия предварительных мирных переговоров.

Оно надеется, что вся пресса признает и оценит его республиканский дух, его мужество и самоотверженность, и что нелепая и гнусная клевета, распространяемая с некоторого времени в провинции, наконец умолкнет.

Департаменты, узнав истину, воздадут должное населению столицы; они поймут, что единение всей нации — необходимое условие общего спасения.

Выборы 1869 г. и плебисцит доказали, что большие города одушевлены тем же республиканским духом, что и Париж; новые республиканские власти надеются на серьезное, энергичное содействие департаментов в настоящих обстоятельствах, и на помощь их в деле возрождения, за которое новая власть принялась среди величайших опасностей.

Вся страна должна ревностно последовать примеру городов; вся Франция после перенесенного несчастья должна стремиться к - одной цели — к обеспечению общего блага.

Вот великая задача, достойная всего народа, и он выполнит ее.

Провинция, присоединившись к столице, докажет Европе и всему миру, что вся Франция желает избежать внутренних раздоров и кровопролития.

Лица, занимающие теперь общественные должности, избраны только на время; они будут заменены Коммунальным советом, выборы которого состоятся в среду 22 текущего месяца.

Пусть провинция немедленно последует Примеру столицы и создаст у себя республиканские организации; пусть она как можно скорее вступит в сношения с Парижем, пригласив туда своих делегатов.

Дух согласия, единства, преданности республике одушевляет нас всех. У нас одна надежда, одна цель: благо родины и окончательное торжество демократической республики, единой и нераздельной.

Правительственные уполномоченные в редакции Journal Officiel

8.

21 марта 1871

Парижский „Journal Officiel" публикует в официальной части следующие документы.

Республиканская федерация национальной гвардии.

Городская ратуша, 10 марта 1871. 6 час. веч.

Многочисленные преступники рецидивисты, возвратившиеся в Париж, совершили ряд покушений на чужую собственность: они снова дали нашим врагам повод к обвинениям против нас. Мы призываем национальную гвардию к особенно бдительному несению патрульной службы.

Каждый капрал должен строго следить, чтобы ни один посторонний переодевшись военным, не проник въ ряды его отряда.

Это вопрос народной чести; народ должен сам охранять свою честь.

Ант. Арно, Г. Арно, Асси, Андинью, Буи, Жюль Бержере, Бабик, Бурсье, Барон, Бильорэ, Бланше, Кастиони, Шутто, К. Дюпон, Ферра, Анри Фортюне, Фабр, Пужере, К. Годье, Гуйе, Жерем, Гроллар, Жосселен, Фр. Журд, Максим Лисбонн, Лавалетт, Ш. Люлье, Мальжурнал, Моро, Мортье, Прюдомм, Руссо, Ранье, Варлэн, Виар

9. Оповещение.

Начиная с завтрашнего дня, 21 с.м. выдача жалованья национальной гвардии будет производиться регулярно, а пособия будут распределяться безъ перерывов. Центральный Комитет национальной гвардии:

Ант. Арно, Асси, Андинью, Буи, Жюль, Бержере, Вабик Бурсье, Барон, Бильорэ, Бланше, Кастиони, Шутто, К. Дюпон, Ферра, Анри Фортюне, Фабр, Пужере, К. Годье, Жерем, Гроллар, Жосселен. Фр. Журд, Максим Лисбонн, Лавалетт, Ш. Люлье, Мальжурнал, Моро, Мортье, Прюдомм, Руссо, Ранье, Варлен, Виар, Гуйе

10. Центральный Комитет национальной гвардии

Граждане!

Власть, павшая под гнетом народного презрения, покидая Париж, парализовала и дезорганизовала все общественное управление.

Она предписала циркулярно всем своим чиновникам прибыть в Версаль.

Телеграфная служба, особенно необходимая в эти моменты величайшего перелома и обновления, не была забыта монархическим заговором. Вся телеграфная служба, все сообщения с провинцией прерваны. Нас обманывают. Чиновники собрались в Версале — вокруг короля.

Мы извещаем парижское население об этом преступном деянии. Мы выдвигаем новый обвинительный пункт в великом процессе между народами и королями.

В настоящий же момент, желая посвятить все остающиеся у нас силы разрешению задач текущего дня, мы прекращаемъ с сегодняшнего дня прием телеграмм от частных лиц в Париже.

Главный директор *Ж. Люсьен Комбатц*

11.

Главный директор генералов уполномочен приостановить, впредь до нового распоряжения, прием телеграмм от частных лиц в Париже.

Париж, 10 марта 1871

За Центральный комитет *Л. Бурсье, Гуйе, Е. Моро*

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

12.

С 18 марта Париж не имеет другого правительства, кроме самого народа: это лучшее из всех правительств.

Никогда еще революция не происходила при таких обстоятельствах, как сейчас.

Париж стал вольным городом.

Могущественная централизация уничтожена.

Монархия умерла, сознав свое собственное бессилие.

В этом вольном городе всякий имеет право говорить, но не претендуя на какое бы то ни было влияние на судьбы Франции:

В виду этого Париж требует:

1. Избрания парижской мэрии.

2. Избрания мэров, их товарищей и муниципальных советников в двадцати округах Парижа;

3. Избрания всех начальников национальной гвардии от первого до последнего;

4. Париж не имеет ни малейшего намерения отделиться от Франции; наоборот, ради нее он терпел иго империи, правительство национальной обороны, со всеми его изменами и низостью. И теперь, конечно, он не думает покинуть Францию напроиизвол судьбы, но говорит ей, как старший брат: защищайся, как я защищался; борись с насилием, как я боролся.

Уполномоченный прибывшей префектуры полиции *Е.Дюваль*

Товарищи уполномоченного:

Е.Тельер, Эдуард Рулье, Л.Дювивье, Шардон, Верньо, Мутон

VII. Манифест парижских депутатов

К нашим доверителям, избирателям округа Сены

Дорогие сограждане!

Отчет о заседании 10 марта показал вам, как энергично мы настаивали на перенесении Национального Собрания в Париж. Мы желали быть, как можно скорее, среди вас.

Нам удалось, во всяком случае, помешать осуществлению плана о признании резиденцией Собрания Фонтенбло.

Само собою разумеется, что, если впоследствии будет сделана попытка превратить Версаль из временной резиденции Собрания в место его постоянного пребывания, то это покушение на права Парижа, единственного города, могущего быть столицей Франции, встретит с нашей стороны непреклонное противодействие.

Но пока, в виду того печального положения, в котором оказалась наша страна по вине империи, мы считаем необходимым избегать всего, что могло бы вызвать волнения и дать возможность нашим политическим противникам и неприятелю, еще занимающему нашу территорию, воспользоваться в своих интересах нашими несогласиями.

Кроме того, мы полагаем, что наше присутствие на посту, на который мы призваны вашим избранием, может оказаться полезным и для того, чтобы упрочить республику, и для того, чтобы защищать ее.

Укрепление республики и скорейшее освобождение французской территории, вот две великие задачи момента.

Мы будем служить республике, оставаясь на посту до того момента, когда теперешнее Собрание, созванное, чтобы решить вопрос о войне и мире и провести в жизнь необходимые меры, вытекающие из решения этого вопроса, ступит свое место Учредительному Собранию.

Мы будем служить Франции, охраняя ее от всего, что могло бы вызвать конфликты, которыми, повторяем, могли бы воспользоваться наши внешние и внутренние враги.

Такова начертанная нами линия поведения, дорогие сограждане. Мы надеемся, что вы одобрите ее.

Пейра, Эдмонд Адан, Эдгар Кине, Шельхер, Ланглуа, Анри Бриссон, Греппо, Толэн, Гамбон, Докруа, Жан Брюне, Флоке, Тирар, Клемансо, Мартен Бернар, Фарси, Луи Бланк

VIII. Революция начинает строить

1

Постановление, касающееся продажи заложенных в ломбарде вещей, отменяется.

Срок платежа долгов за купленные товары откладывается на один месяц.

Впредь до нового распоряжения, в целях поддержания спокойствия, собственники домов и держатели гостиниц не имеют права отказывать от квартиры своим жильцам.

Центральный комитет национальной гвардии решил строго соблюдать условия мира. Но он считает справедливым, чтобы большая часть наложенной на нас безжалостным победителем контрибуции была уплачена виновниками этой несчастной войны.

Уполномоченный по внутренним делам *Грелье*

Об'единенные комитет Республиканской федерации и Центральный комитет национальной гвардии выработали следующий устав:

Республиканская федерация национальной гвардии.

УСТАВ

Предварительный проект

Республика является единственно возможной формой правления; вопрос о ней не должен подлежать обсуждению.

Национальная гвардия имеет безусловное право сама избирать своих начальников и отзывать их, когда они потеряют доверие избирателей, но не иначе, как после предварительного опроса избирателей, в видах соблюдения справедливости.

§ 1. Республиканская федерация национальной гвардии имеет следующую организацию:

1. Общее собрание уполномоченных
2. Батальонное собрание
3. Военный совет
4. Центральный комитет

§ 2. Общее собрание состоит:

1. Из делегатов, избираемых по одному от каждой роты, независимо от чина.
2. Офицеров, избираемых офицерским корпусом каждого батальона, по одному на батальон.

3 батальонных командиров всех батальонов.

Все эти уполномоченные, кто бы они ни были, могут быть отозваны своими избирателями.

§ 3. Батальонное собрание состоит:

1. Из трех представителей на роту, избираемых независимо от своего чина.
2. Офицера, делегированного в общее собрание.
3. Батальонного командира.

§ 4. В совет легионов входят:

1. По два делегата от батальонного собрания, избираемых независимо от чина.
2. Батальонные командиры округа.

§ 5. В центральный комитет входят:

1. По два делегата на округ, избираемых независимо от своего чина советом легионов.

2. По одному батальонному командиру на легион, избираемому сотоварищами.

§ 6. Делегаты батальонного собрания, совета легионов и центрального комитета являются естественными защитниками интересов национальной гвардии. Они должны поддерживать вооружение специальных корпусов и других видов оружия национальной гвардии и предупреждать всякую попытку к ниспровержению республики.

На них же возлагается задача выработки проекта полной реорганизации национальных военных сил.

§ 7. Заседания общего собрания происходят в первое воскресенье каждого месяца, и откладываются лишь в исключительных случаях.

Различные фракции, входящие в состав федерации, сами устанавливают внутренний распорядок, место и часы своих совещаний.

§ 8. На общие расходы центрального комитета по администрации, публикациям и др. в каждой роте устанавливается складчина, минимум по 5 франков в месяц; она производится между 1 и 5 числом каждого месяца делегатами и казначеем роты.

§ 9. Каждый делегат главного собрания получает именной билет, служащий пропуском для входа на собрания.

§ 10. Все национальные гвардейцы связаны круговой порукой, и делегаты федерации находятся под непосредственной и прямой защитой всей национальной гвардии.

IX. Буржуазия и пролетариат

Неофициальная часть „Journal Officiel“ от 23 марта содержит следующую статью.

Революция 18 марта

Реакционные журналы продолжают обманывать общественное мнение, с умышленной недобросовестностью искажая события, разыгравшиеся в последние три дня в столице. Они публикуют грубую клевету, ложные и оскорбительные обвинения против мужественных и бескорыстных людей, взявших на себя, в минуту величайшей опасности, тяжкую ответственность за спасение республики.

Беспристрастная история, несомненно, воздаст им должное; она установит, что революция 18 марта есть новый, важный этап на пути прогресса.

Безвестные пролетарии, вчера еще никому неизвестные, но имена которых скоро разносятся по целому свету, оду гневленные глубокой любовью к праву и справедливости, бесграничной преданностью Франции и республике, решили, под влиянием этих благородных чувств, спасти поработленную родину и угрожаемую свободу. В этом их великая заслуга перед современниками и перед потомством.

Пролетарии столицы, при виде обманов и измен правящих классов, поняли, что настал час, когда они должны спасти положение и взять управление общественными делами в свои руки.

Умеренность и мудрость, с которой они воспользовались полученною от народа властью, выше всяких похвал.

Они сохраняли спокойствие, несмотря на вызывающее поведение врагов республики, и проявили осторожность пред лицом неприятеля.

Они проявили величайшее бескорыстие и бесграничную самоотверженность. Едва взяв власть в свои руки, они поспешили созвать народ в избирательные участки для скорейшего избрания коммунального муниципалитета, которому они решили передать свою временную власть.

Всемирная история не знает другого примера временного правительства, которое бы так торопилось отдать свои полномочия представителям, избранным всеобщей подачей голосов.

Глядя на их бескорыстное, честное демократическое поведение, с удивлением спрашиваешь себя: как может существовать столь нечестная, несправедливая и бесстыдная пресса, осыпающая клеветою и оскорблениями этих доблестных граждан, деятельность которых должна была бы возбуждать лишь хвалу и восхищение?

Неужели друзьям человечества, защитникам права, будь они победители или побежденные, суждено всегда становиться жертвой лжи и клеветы?

Неужели рабочие, все производящие и ничем не пользующиеся, терпящие нужду среди накапливаемых ими ценностей, созданных их тяжелым трудом, будут всегда подвергаться оскорблениям?

Неужели они никогда не добьются права работать для своего освобождения, не вызывая этим против себя целого хора проклятий?

Неужели буржуазия, их старшая сестра, добившаяся освобождения более трех четвертей века назад, их предшественница на пути революции, не понимает, что теперь наступил черед освобождения и для пролетариата?

Казалось, невзгоды и бедствия, навлеченные на Францию политической бесдарностью буржуазии, ее моральной и интеллектуальной дряхлостью, должны были бы доказать, что время буржуазии прошло, что буржуазия выполнила задачу, возложенную на нее в 89 г., и должна, если не уступить свое место рабочим, то хотя бы дать им возможность, в свою очередь, добиться освобождения.

Разве, в виду постигшей нас катастрофы, для нашего спасения не необходимо общее сотрудничество?

Почему же буржуазии, в роковом ослеплении, с неслыханным упорством отказываем пролетариату в его законной доле свободы!

Почему она неустанно борется с его стремлением получить общегражданские права, почему она всеми силами и всяческими средствами противится свободному развитию рабочих?

Зачем она подвергает ежеминутным опасностям все достижения человеческого духа, завоеванные великой французской революцией?

Если бы 4 сентября правящий класс предоставил свободу стремлениям и нуждам народа; если бы он честно признал за рабочими их гражданские права, право пользоваться всеми свободами, если бы он дал им возможность развить все свои способности и удовлетворить все свои нужды, если бы правительство не предпочло разгром родины несомненному торжеству республики в Европе, мы бы не дошли до нашего теперешней) положения и избежали бы катастрофы

Пролетариат, стоя лицом к лицу с постоянной угрозой своим правам, с решительным отрицанием своих законных стремлений, видя разгром родины и крушение всех ее надежд, понял, что священный долг и безусловное право повелевают ему взять в свои руки ее судьбы и обеспечить ей победу, овладев властью.

Вот почему он ответил революцией на бессмысленный и преступный вызов близорукого и преступного правительства, не побоявшегося вызвать гражданскую войну вслед за неприятельским нашествием и оккупацией.

Но армия, которую правительство надеялось восстановить против народа, отказалась поднять против него оружие; она братски протянула ему руку и присоединилась к своим братьям.

Пусть же капли пролитой крови, которую мы горячо оплакиваем, падут на головы зачинщиков гражданской войны врагов народа, бывших в течение полувека виновниками всех наших внутренних разногласий и национальных бедствий.

На мгновение остановленный ход прогресса возобновится опять, и пролетариат закончит, не взирая ни на что, задачу своего освобождения.

Правительственный уполномоченный при „Journal Officiel“

Х. Тьер не теряет надежды

Версальское правительство издало следующий циркуляр.

Версаль, 2 марта, 11 час. 10 м. утра

Президент совета, глава исполнительной власти префектам и супрефектам.

Сообщения, поступающие из всей Франции, носят самый утешающий характер. Зачинщики беспорядка нигде не имеют успеха, и даже в Париже добрые граждане объединяются в организации для подавления мятежа.

Национальное собрание и правительство соединились в Вере иге; они окружены непоколебимой 45-ти тысячной армией и имеют полную возможность руководить событиями: начиная съ сегодняшняго дня, они овладели положением.

Вчера состоялось первое заседание собрания, обнаружившее его спокойствие, единство и решимость. Собрание назначило комиссию, вступившею в соглашение с главой исполнительной власти относительно мер, принятие которых необходимо при существующих обстоятельствах.

Собрание обратится к стране с воззванием.

В Лилле, Лионе. Марселе и Бордо полное спокойствие.

Вы можете сообщить населению эти новости — строго точные, так как правительство, посылающее их вам, есть правительство истины.

Само собой разумеется, что всякий представитель власти, вступивший в соглашение с мятежниками, будет преследоваться законом, как виновный в измене.

А.Тьер

22 марта 1871

Парижский „Journl Officiel” публикует в официальной части следующие документы:

Республиканская федерация национальной гвардии.

Центральный комитет, лишенный возможности достичь полною соглашения с мэрами, вынужден приступить к выборам без их содействия.

Вследствие этого комитет постановляет:

1. Производство выборов в каждом округе поручается избирательной комиссии, назначенной для этой цели комитетом.

2. Избиратели гор. Парижа призываются в четверг 23 марта в соответственные избирательные коллегии для избрания коммунального совета города Парижа.

Голосование будет производиться по спискам и по округам.

Число членов совета определяется в 90 человек, по расчету один на 20000 жителей и на остаток свыше 10000 чел.

Число членов совета распределяется, согласно количеству населения данного округа таким образом:

Округа	Население	Число членов совета
I	84665	4
II	82909	4
III	92680	5
IV	98648	5
V	104083	5
VI	99115	5
VII	75438	4
VIII	70259	4
IX	106221	5
X	116438	6
XI	149641	7
XII	78635	4
XIII	70192	4
XIV	65506	3
XV	69340	3
XVI	42187	2
XVII	93193	5
XVIII	130456	7
XIX	88930	4
XX	87444	4
Всего		90

6. Избиратели допускаются к подаче голоса по предъявлении карточки, выданной им для участия в выборах депутатов Национального Собрания 8 февраля 1871 г., в тех же помещениях.

7. Избиратели, не получившие обратно своей карточки или утерьявшие ее, могут принять участие в выборах по проверке их имени в избирательном списке. Их личность должна быть засвидетельствована двумя избирателями, внесенными в избирательный список той же секции.

8. Выборы начнутся в 8 час. утра и окончатся в 6 час. вечера; подсчет голосов начнется сейчас же после окончания голосования.

Граждане!

Центральный комитет передает в руки самого парижского населения выпавшую из недостойных рук власть. Выборы будут производиться обычным порядком; но Центральный комитет выражает надежду, что в будущем будут установлены персональные выборы, как единственные, вполне отвечающие моральным и демократическим принципам.

Центральный комитет национальной гвардии:

Авуан мл., Ант.Арно, Г.Арнольд, Асси, Андинью, Буи, Жюль Бержере, Бабик, Бурсье, Бару, Бильорэ, Бланше, Кастиони, Шутто, К.Дюпон, Ферра, Анри Фортюне, Фабр, Флери, Пужере, К.Годье, Гуйе, Гираль, Жерем, Гроллар. Жосселен, Фр.Журд, Максим Лисбонн, Лавалгтт, Ш.Люллье, Мальжурналь, Моро, Мортье, Прюдомм, Руссо, Ранвье, Варлен, Виар

Парижский „Journal Officiel“ в неофициальной части содержит следующую статью:

Где право и суверенитет народа — в Версале или в Париже?

Поставить этот вопрос — значит дать его решение.

Собрание, заседавшее сперва в Бордо, потом в Версале, было созвано при исключительных обстоятельствах для выполнения заранее определенной миссии и было связано своего рода императивным мандатом.

Выборы в него происходили накануне капитуляции, в то время, когда французская территория была оккупирована неприятелем; голосование поневоле должно было происходить под влиянием присутствия неприятеля и прусских штыков; часть депутатов, а именно представители занятых местностей, во всяком случае, не могли быть свободно избраны.

В настоящее время, когда подписаны предварительные мирные условия, по которым к Пруссии отходят две провинции, депутаты Эльзаса и Лотарингии лишены возможности участвовать в Собрании; они сами поняли это и сложили свои полномочия.

Значительное число других представителей, по разным причинам, последовали их примеру.

Итак Собрание не полно; а правильность избрания части его членов может быть заподозрена вследствие факта иностранной оккупации и возможного благодаря ей давления.

Таким образом, это Собрание не является полным, неоспоримым отражением свободной народной воли.

С другой стороны, вотируя недоверие и ненависть к Парижу и отказываясь сделать его местом своих заседаний, Бордосское и Версальское Собрание не считается с заслугами столицы и с благородным, самоотверженным духомъ его населения. Поэтому оно недостойно пребывать в столице.

Своим глубоко реакционным духомъ, узостью своих взглядов, своим характером исключительно сельского представительства, нетерпимостью к самым самоотверженным, благородным гражданам, это провинциальное Собрание доказало, что оно не стоит на высоте происходящих событий, что оно неспособно принять и провести в жизнь энергические решения, необходимые для спасения родины.

Только свободно избранное Собрание, независимое от всякого иностранного воздействия и официально-реакционных влияний, Собрание, пребывающее в Париже, может быть признано выражением национальной воли; только ему может вручить вся Франция законодательную или учредительную власть.

Без независимости и свободы выборов, вне Парижа — могут существовать лишь мнимые подобия национального представительства и суверенного Собрания.

Итак, пусть теперешнее Собрание поскорее выполнит возложенную на него печальную задачу; пусть оно разрешит вопрос о войне и мире и разойдется как можно скорее. Оно получило лишь ограниченные полномочия и не может, не узурпируя народного суверенитета, присвоить себе учредительную власть и право выработки органических законов.

Долг Парижа — заставить уважать суверенитет народа и не допустить посягательства на его права.

Париж не может отделять себя от провинции и не потерпит, чтобы ее насильно отрывали от него.

Париж был, есть и всегда будет столицей Франции, мозгом и сердцем демократической республики, единой и нераздельной.

Ему принадлежит поэтому бесспорное право произвести выборы в коммунальный совет, устроить у себя, как это подобает демократическому городу, самоуправление, и при помощи национальной гвардии, состоящей из всех граждан, непосредственно избирающих своих начальников, охранять общественную свободу и спокойствие.

Центральный комитет национальной гвардии уже принял ряд благоразумных и на-сущно необходимых мер для учреждения коммунального совета Парижа и избрания начальников национальной гвардии.

Теперь от самих избирателей и от национальных гвардейцев будет зависеть поддержать решения правительства и голосованием за убежденных и преданных республиканцев, обеспечить спасение Франции и будущность республики.

Завтра судьба населения будет передана в его собственные руки; мы заранее уверены, что оно сумеет использовать свое право себе на благо.

Пусть же Париж освободит Францию и спасет республику!

Правительственный уполномоченный при „Journal Officiel”

Еще издававшиеся в Париже враждебные Коммуне газеты не замедлили ответить на это воззвание, а коммунары, в свою очередь, выпустили нижеследующее „Предупреждение”:

„Вслед за подстрекательством к гражданской войне, грубыми оскорблениями и отвратительной клеветой, следовало ожидать открытого призыва к неповиновению декретам правительства, правильно избранного подавляющим большинством национальной гвардии (215 из 216 голосов) и заседающего в городской ратуше.

Действительно, сегодня многие газеты опубликовали приглашение не подчиняться постановлению Центрального комитета национальной гвардии, назначившего на 22 с.м. выборы коммунальной комиссии города Парижа”.

Вот эта прокламация, являющаяся открытым посягательством реакционных редакторов на суверенитет парижского населения:

Избирателям Парижа. Заявление прессы.

Принимая во внимание, что назначение выборов есть акт национального суверенитета;

что пользование этим суверенитетом принадлежит только учреждениям, избранным всеобщей подачей голосов:

что центральный комитет, водворившийся в городской ратуше, не имеет ни права, ни достаточного авторитета для подобного акта, представители нижеследующих газет считают назначение выборов на 22 с.м. недействительным и приглашают избирателей не участвовать в выборах. Journal des Debats, Constitutional, Moniteur universel, Figaro, Gaulois, Verite, Paris-Journal, Presse, France, Liberte, Pays, National, Univers, Temps, Cloche, Patrie, Bien public, Union, Avenir liberal, Journal des Villes et des Campagnes, Charivari, Monde, France nouvelle, Gazette de France, Petit Moniteur, Petit National, Electeur libre, Petite Presse.

Центральный комитет национальной гвардии, заседающий в городской ратуше, заранее заявил, что он уважает свободу печати, т.е. право всякого гражданина гласно контролировать, обсуждать и критиковать действия правительства; но он заставит уважать решения представителей суверенного парижского населения и не допустит безнаказанных посягательств на эти решения и призывов к неповиновению.

В случае продолжения подобных посягательств, правительство прибегнет к суровым репрессиям.

Национальное Собрание к населению и армии

Граждане и солдаты!

Наглое посягательство на права народа, жаждущего свободы, открытый мятеж против национального суверенитета, отягчают и без того тяжелые бедствия и несчастья нашей родины.

Тотчас же после того, как на нас обрушилась катастрофа, едва неприятель начал удаляться с наших опустошенных полей, безумные преступники внесли в Париж, под предлогом защиты его, не только беспорядок и разорение, но, более того, даже бесчестие. Пролитая ими кровь вопиет к человеческой совести и запрещает им произносить благородное слово „республика“, ибо республика имеет смысл только при незыблемом уважении к праву и свободе.

Мы уже знаем, что вся Франция с негодованием осудила эту отвратительную попытку. Знайте, что мы не усложним положения своей моральной слабостью и не вступим в сношение с виновниками этого злодеяния. Мы сохраним нетронутым тот залог, который вы нам вручили для спасения и организации страны — великий, высший принцип народного суверенитета.

Мы получили свои полномочия посредством вашего свободного голосования, самого свободного из всех, которые когда-либо имели место. Мы — ваши представители, ваши единственные уполномоченные; нами, от нашего имени должна управляться вся французская земля до ее последней частицы, и прежде всего героический Париж, который, конечно, не позволит обманывать себя долее крамольному меньшинству.

Граждане и солдаты!

Дело касается главного из ваших прав, вы сами должны отстаивать его. Ваши представители единодушно призывают к вашему мужеству, к вашей энергичной помощи. Мы единогласно призываем вас сплотиться вокруг вами созданного национального собрания, отражения вашей воли, вашей надежды и единственного средства к спасению.

Реакционная пресса, желая запятнать патриотов, обеспечивших торжество правам народа, прибегла к лжи и клевете.

Мы не хотим посягать на свободу печати: но в виду того, что Версальское правительство разрушило деятельность судов, мы предупреждаем недобросовестных писателей, что взамен обычного привлечения к ответственности по обвинению в клевете и оскорблении, они будут немедленно переданы в руки Центрального комитета национальной гвардии.

Вследствие массового бегства правительственных чиновников, общественные учреждения совершенно дезорганизованы.

Чиновники общественного управления, не возвратившиеся до 25 с.м. к исполнению служебных обязанностей, будут все без исключения уволены.

В виду мер, принятых Версальским правительством для того, чтобы помешать солдатам, уволенным после переворота, вернуться к своим домашним очагам, Центральный комитет постановил: впредь до издания закона о полной реорганизации национальных сил, солдаты, находящиеся в настоящее время в Париже, зачисляются в ряды национальных гвардейцев и получают одинаковое с ними довольствие.

Городская Ратуша, 22 марта 1871 (следуют подписи)

Воззвание мэров г. Парижа, товарищей мэров и депутатов Сены

К национальной гвардии и ко всем гражданам

Родина, изувеченная, обгаренная кровью, гибнет, а мы, ее дети, мы наносим ей последний удар! Враг стоит у наших ворот, готовый каждую минуту вступить в город и овладеть им, а мы обращаем друг против друга братоубийственное оружие!

Во имя великих воспоминаний прошлого нашей несчастной Франции, во имя наших детей, будущность которых мы губим, со скорбью в сердце мы обращаемся к вам.

Подадим друг другу руки, как мы это сделали в горестные и славные часы осады!

Не допустим, чтобы в один час померкла слава, завоеванная пятью месяцами стойкости и беззаветной отваги!

Граждане, будем думать о том, что соединяет, а не о том, что раз'единяет нас! А мы хотим сохранения и упрочения великой национальной гвардии, существование которой неразрывно связано с существованием республики.

И мы добьемся его.

Мы хотим вернуть Парижу муниципальную свободу, похищенную у него грубым деспотизмом. Мы добьемся и этого. Эти пожелания были переданы вашими депутатами Национальному Собранию; Собрание единогласно удовлетворило их и гарантировало безотлагательное производство муниципальных выборов как в Париже, так и в других общинах Франции.

В ожидании этих законных и правильных выборов, которые только и отвечают истинным принципам республиканских учреждений, долг добрых граждан не поддаваться призывам, обращенным к ним людьми, не имеющими на то никакого права

Мы, ваши муниципальные представители ваши депутаты, заявляем, что мы не принимаем никакого участия в назначенных на завтра выборах и протестуем против их незаконности.

Мэры и товарищи мэров Парижа
Депутаты деп.Сены

21 марта 1871

Парижский „Journal Officiel“ публикует к официальной части следующие документы:

I

Принимая во внимание, что положения требует принятия решительных мер; что высшее командование, продолжая; вести дело по старому, довело страну свою бездействием до ее настоящего положения что монархическая реакция при помощи клеветы и мятежа до сих пор мешает производству выборов, которые могут создать в Париже единую законную власть —

Комитет постановляет:

Военная власть в Париже вручается уполномоченным Брюнелю, Эду и Дювалю.

Они получают звание генералов и совместно заботятся об управлении до прибытия генерала Гарибальди, приглашенного в качестве главнокомандующего.

Еще раз призываем вас не падать духом, быть мужественными, и изменники будут уничтожены.

Да здравствует республика!

Париж, 24 марта 1871

Центральный комитет национальной гвардии (следуют подписи)

25 марта

Граждане!

Призванные центральным комитетом на важный и опасный пост временно командующих национальной республиканской гвардией, мы клянемся энергически выполнить эту миссию, дабы обеспечить восстановление социального мира между всеми гражданами.

Мы хотим порядка... но не того порядка, которому покровительствует устаревший режим, убивая мирных часовых и оправдывая все злоупотребления.

Подстрекатели не останавливаются ради достижения своей цели – монархической реставрации, - перед самыми низкими средствами; они не колеблясь морят голодом национальную гвардию, секвестрируя банк и военные пекарни.

Теперь не время для переговоров; надо действовать и надо сурово покарать врагов республики.

Кто не с нами, против нас.

Париж хочет быть свободным. Контр-революция не страшит его; но великий город не дозволит безнаказанно нарушать общественный порядок.

Да здравствует республика!

Главнокомандующие: *Брюнель, Э.Дюваль, Э.Эд*

Граждане, национальные гвардейцы!

В ответ на грубый вызов вы поднялись, по собственному почину, чтобы обеспечить вашим поведением успех дела, которое вы же доверили нам.

Задача эта не легка: она требует много труда и решимости; и каждый доказал свое чувство долга.

Однако, несколько батальонов, введенные в заблуждение реакционными начальниками, решились мешать нашему движению; это тем более непонятно, что вместе с тем они противятся воле всей национальной гвардии.

Мэры и депутаты, забывшие свои мандаты, поощряли это сопротивление.

Часть прессы, с ненавистью глядящая на пришествие царства рабочих, начала распространять о нас самую нелепую клевету; она награждала нас эпитетами коммунистов, общников, грабителей, кровопийц и т.д., и боязливые граждане с доверием относились к этим вымыслам. Мы дали пройти этой буре, мы вернули отнятые свободы, и хотя ими пользовались против нас, мы с презрением проходили мимо злоупотреблений.

Против нас выдвигали призрак пруссаков, нам угрожали бомбардировкой, оккупацией и т.д. Но пруссаки, по достоинству оценившие нас, ответили признанием наших прав. Дело демократии, дело народа, святое дело справедливости и свободы восторжествует над всеми препятствиями.

Уверенные в успехе нашего общего дела, мы сердечно благодарим вас за вашу преданность, за вашу сопряженную с необычайными трудностями службу; мы рассчитываем на ваше мужество, чтобы вместе идти до конца. Наши противники, когда они лучше узнают нас и поймут законность наших требований, сами придут к нам; из их рядов приходят уже к нам ежедневно, и в воскресенье, при подаче голосов мы в конце концов увидим среди воздержавшихся лишь тех,

кто лелеет предательскую надежду на возвращение монархии со всеми ее неизбежными спутниками — более или менее феодальными привилегиями и учреждениями.

Граждане, национальные гвардейцы! Мы рассчитываем на ваше мужество, на вашу стойкость, самоотречение и добрую волю в виду предстоящих тягот, возможных осложнений и ваших ежедневных трудов.

Будем твердо идти к спасительной цели — окончательному установлению республики под контролем Коммуны, опирающейся на одну единственную силу: национальную гвардию, основанную сверху до низу на выборном начале.

Когда мы будем в состоянии иметь наблюдение повсюду, где вершатся касающиеся нас дела, повсюду, где куются грядущие наши судьбы, тогда, и только тогда республику уже нельзя будет задавить.

Городская Ратуша, 23 марта 1871 (следуют подписи)

Граждане!

Причина наших разногласий основана на недоразумении. Как честные противники, мы желаем рассеять его, и мы позволяем себе еще раз высказать наши законные обиды.

Правительство, самый состав которого был подозрителен для демократии, тем не менее было признано нами; но мы сохранили за собой право следить, чтобы оно не предало республики после того, как оно предало Париж.

Мы произвели революцию, не встретив никакого сопротивления; это был наш священный долг; и вот доказательства:

Чего мы добивались?

Сохранения республики, как единственно возможной и бесспорной формы правления.

Признания права коммуны за Парижем, т.е. выборного коммунального совета.

Упразднения префектуры полиции, провозглашенного самим префектом де Кератри.

Уничтожения постоянной армии и передачи в ваши руки, т.е. в руки национальной гвардии, охраны порядка в Париже.

Права избирать самим всех начальников.

И, наконец, реорганизации национальной гвардии на началах, которые давали бы достаточные гарантии народу.

Как же ответило правительство на эти законные требования?

Оно восстановило не применявшееся более осадное положение и поручило командование Винуа, который вступил в должность с угрозами на устах.

Оно посягало на свободу печати, закрыв шесть газет.

Оно назначило командующим национальной гвардией непопулярного генерала, и поручило ему ввести в ней железную дисциплину и реорганизовать ее на старых анти-демократических основах.

Оно ввело в префектуру жандармерию в лице бывшего жандармского полковника Валентина.

Национальное Собрание не задумалось оскорбить даже самый Париж, только что доказавший свой героизм. До нашей реорганизации мы сохраняли оплаченные нами пушки, которые мы отобрали у пруссаков. Были попытки ночью, с оружием в руках, овладеть ими. Нам ничего не давали. Надо было добиваться, и мы поднялись — мирно, но всюю массой.

Теперь нам возражают, что Национальное Собрание, испугавшись, обещает дать нам со временем (но не определяя, когда) коммунальные выборы и избираемых начальников, и поэтому мы должны прекратить сопротивление.

Но это плохой довод. Нас слишком часто обманывали, могут обмануть и еще раз; левая рука может отнять то, что дала правая, и народ еще раз обманутый, снова станет жертвой лжи и предательства.

В самом деле, посмотрите, что делает это правительство!

Устами Жюль Фавра оно бросает в палате ужасный призыв к гражданской войне, оно призывает провинцию разрушить Париж, оно распространяет о нас отвратительную клевету.

Граждане!

Наше дело правое; и наше дело — ваше дело; присоединитесь же к нам для его торжества. Не слушайте советов продажных людей, стремящихся внести раздор в наши ряды, если вы даже не разделяете наших убеждений, протестуйте подачей белых бюллетеней; это долг всякого доброго гражданина.

Бежать от урн не значит доказать свою правоту; наоборот, это значит воспользоваться отговоркой и смешаться, в качестве воздержавшегося, с толпой равнодушных, ленивых, или людей, не имеющих политических убеждений.

Честные люди обыкновенно отвергают подобные компромиссы.

Перед совершением акта, после которого мы должны сойти со сцены, мы пытаемся еще раз обратиться к вашему разуму и справедливости.

Наш долг исполнен.

Городская Ратуша, 24 марта 1871 (следуют подписи)

Граждане!

Правительство, сбжавшее в Версаль, попыталось окружить вас пустотой; провинция оказалась вдруг лишенной всяких вестей и Парижа.

Но изоляция, которой пытались подвергнуть вас, не помешала дыханию революции пробить себе путь через все преграды.

Центральный Комитет принял в течение вчерашнего и сегодняшнего дня несколько делегаций от Лиона, Бордо, Марселя, Руана и т.д.; они прибыли, чтобы узнать о характере нашей революции и поспешили вернуться домой, чтобы на местах дать сигнал к аналогичному движению, готовому вспыхнуть повсюду.

Да здравствует Франция! Да здравствует республика.

Городская Ратуша, 23 марта 1871 (следуют подписи)

Граждане!

Завтра состоятся выборы в Коммунальное Собрание; завтра население Парижа закрепит своим голосованием выражение своей воли, открыто проявившейся 18 марта, когда народ изгнал провокаторское правительство, имевшее, казалось, одну цель: завершить дело своих предшественников и увенчать гибель страны уничтожением республики.

Этой беспримерной в истории революцией, величие которой с каждым днем обнаруживается, все более, Париж дал образец блистательного порыва и справедливости. Он обнаружил, что в его душе нераздельны идеи порядка и свободы, единственные основы республики.

Тем, кого наши несчастья поставили во главе наших судеб, и которые задались целью уничтожить всякую политическую и социальную жизнь Парижа, Париж отвечает подтверждением неотъемлемого права всякого города как и всякой страны, — права на самоуправление, права самому ведать дела своей внутренней, муниципальной жизни, предоставляя центральному правительству общую администрацию и управление политикой страны

Страна не свободна, когда не свободны индивидуум или город в ней: во Франции не будет республики, пока столица страны не получит права на самоуправление.

Это право, которое не осмеливаются оспаривать у самых сиротных местечек, не признают за Парижем, не признают, потому что боятся его любви к свободе, его непоколебимой решимости сохранить республику, утвержденную коммунальной революцией 18 марта, республику, которую вы закрепите завтра вашим голосованием.

Прошло восемь дней с момента освобождения Парижа, с тех пор как великий город по собственной воле располагает собою и эти восемь дней ничем не связанной свободы доказали всяком беспристрастному наблюдателю, на чьей стороне была любовь к порядку и сознание права.

Порожденный требованием справедливости, вызвавшим революцию 18 марта, центральный комитет водворился в городской ратуше, не как правительство, но как народный часовой, как комитет бдительности и организации озабоченный тем, чтобы внезапностью или коварством у народа не отняли плодов его победы; на обязанности комитет лежало организовать окончательное выражение народной воли, — свободные выборы собрания, которое представляло бы не только идеи, но и интересы населения Парижа

В день, когда коммунальное собрание, конституируется, в день когда будут оглашены результаты голосования центральный комитет сложит власть и он сможет удалиться, гордый сознанием исполненного долга, счастливый сознанием, что миссия его выполнена Париж станет действительным хозяином своей судьбы: в коммунальном собрании он найдет орган для выражения своих интересов и для защиты их перед лицом интересов других частей страны и перед национальной центральной властью

Он сможет тогда сам, по всестороннему обсуждению, и без незаконного вмешательства, попирающего право и справедливость в пользу монархической клики, разрешить сложные вопросы коммунального и частного права еще более усложненные тем длительным испытанием, которое он выдержал ради спасения страны.

Он, наконец, сможет сам решить, какие меры следует принять для быстрейшего и безболезненного возвращения к деловой и рабочей жизни

Республика не может существовать ни дорогостоящими административными фантазиями, ни разорительными спекуляциями; она живет свободой, экономией, трудом и порядком. Республика должна установить гармонию интересов, а не жертвовать одними ради других. Вопросы о сроках платежа, о наемной плате за квартиры могут быть разрешены только представителями города при поддержке их сограждан, мнение которых всегда должно быть выслушано. Как и все, касающееся интересов города, решение этих вопросов не может быть предано на произвол власти, повинующейся по большей части только духу партийности.

Точно так же и рабочий вопрос; труд — вот единственная база общественности, единственный устой честного и лойяльного порядка вещей; граждане, оторванные от работы войной, которую вызвало и поддерживало бесконтрольное правительство, не должны быть отданы в жертву, внезапным прекращением выдачи жалования, — нищете и безработице.

Надо считаться с переживаемым ныне переходным периодом; надо добросовестно искать из него выхода; труду должно быть оказано доверие, которое вырвет рабочего из неминуемой нищеты и даст ему возможность быстро достичь полного освобождения.

Эти вопросы, как и многие другие, должны быть разрешены вашим коммунальным советом; решения его будут основаны на праве всех граждан, так как все будут принимать участие в их обсуждении и ответственный и сменяемый совет этот будет находится под непрерывным контролем граждан.

Наконец, он должен будет установить отношение города к центральной власти, обеспечив при этом независимость и автономию Коммуны.

Голосуйте же, граждане! Пусть каждый поймет величие выпавшего на его долю долга, пусть каждый знает, что, опуская в урну свой бюллетень, он на веки кладет основание свободе и величию Парижа, обеспечивает для Франции республику и делает для республики: то, что он так доблестно делал перед лицом неприятеля: исполняет свой долг.

Городская ратуша, 25 марта 1871
Уполномоченные по внутренним делам *Ант.Арно, Эд.Вальян*

Граждане!

Вы призваны, избрать ваше коммунальное собрание (муниципальный совет города Парижа).

Впервые после 4 сентября республика свободна от правительства, составленного из ее врагов.

Согласно республиканскому праву, вы сами созываете себя, при посредстве вашего комитета, чтобы вручить людям, избранным полномочия, которые вы сами же и определите. Ваши суверенные права возвращены вам полностью; вы принадлежите всецело самим себе, воспользуйтесь этим драгоценным, может быть, единственным случаем, и верните себе коммунальную свободу; жалкие деревушки имеют эту свободу, но вы были так долго лишены ее.

Дав вашему городу сильную коммунальную организацию, вы заложите краеугольный камень ваших прав, несокрушимый фундамент республиканских учреждений.

Права города так же неотъемлемы, как и права нации; город, как и нация, должен иметь свое собрание, которое может называться муниципальным или коммунальным собранием или просто коммуной.

Еще недавно такое собрание могло бы дать силу и успех национальной обороне, теперь оно послужит к силе и благополучию республики.

Это собрание кладет основание справедливому прочному порядку, опираясь на сочувствие большинства, которое постоянно призывается высказать свою волю и подтвердить свое согласие, такой порядок уничтожает всякий повод к какому бы то ни было конфликту, к гражданской войне и революции, он уничтожает всякий антагонизм между политическим общественным мнением Парижа и центральной исполнительной властью.

Собрание избирает из своей среды специальные комитеты, которые распределяют между собою различные отрасли управления (просвещение, труд, финансы, общественная благотворительность, национальная гвардия, полиция и т.д.).

Члены муниципального собрания подлежат постоянному контролю и критике общественного мнения; они ответственны, обязаны отчетом и могут быть отозваны; таково собрание, которое должны основать вы; свободный город в свободной стране. Граждане, вы, конечно, сочтете для себя честью содействовать учреждению такого собрания своим голосованием. Вы, захотите приобрести Парижу славу города, заложившего первый камень нового социального здания, впервые, избравшего республиканскую коммуну.

Граждане, Париж не стремится властвовать, он хочет только свободы; он не мечтает об иной диктатуре, кроме диктатуры примера; он не навязывает своей воли, но и не отрекается от нее сам: он не предписывает декретов, но и не желает подчиняться плебисцитам; он указывает направление, двигаясь сам, и подготавливает свободу для других, кладя основание собственной свободе. Он никого не толкает насильно на путь республики; с него довольно, что он сам первый вступил на этот путь.

Городская ратуша, 22 марта 1871 (следует подписи)

В неофициальной части Journal Officiel от 25 марта помещено следующее сообщение:

Центральный комитет приказал произвести расследование о событиях, имевших место на Вандомской площади 22 марта. Комитет не поместил тогда же отчета о них, не желая подвергаться обвинениям в пристрастии. Вот факты, установленные опросом свидетелей. В половине второго манифестация, собравшаяся к двенадцати часам на площади Новой Оперы, двинулась на улицу de la Paix. В первом ряду шла крайне экзальтированная группа, в которой, как удостоверяют солдаты национальной гвардии, они опознали гг. Гекерена, Коетлегона и де Пена, приближенных старой империи; они неистово потрясали знаменем без всякой надписи.

Дойдя до улицы Neuve-Saint-Audustin, манифестация окружила, обезоружила и подвергла оскорблениям двух национальных гвардейцев, стоявших одиноко в качестве часовых. Оба гражданина спаслись бегством и без ружей, оборванные, укрылись на Вандомской площади. Тогда национальные гвардейцы взяли за оружие и в боевом порядке двинулись на угол улицы Neuve-des-Petits Champs.

Первая линия получила приказ поднять приклады, и если будет разорвана, выстроиться позади третьей; то же самое вторая; третья должна была взять штыки на перевес; в тоже время был дан специальный приказ не стрелять. Первый ряд толпы, насчитывавшей от 800 до 1000 человек скоро оказался лицом к лицу с национальными гвардейцами. С этого момента характер манифестации вполне выяснился. Раздались крики: долой убийц! долой комитет! На национальных гвардейцев посыпались грубые оскорбления. Им кричали: убийцы! подлецы! разбойники! Наиболее разъяренные схватились за ружья национальных гвардейцев. У одного офицера вырвали саблю. Крики усилились; манифестация превратилась в мятеж. Вслед за тем, действительно, револьверный выстрел ранил в ногу гражданина Мальжурналь, лейтенанта главного штаба площади и члена центрального комитета. В самом начале генерал Бержере, комендант площади, бросился с первым ряд и потребовал, чтобы мятежники разошлись. В течение почти пяти минут был слышен грохот барабанов; требование разойтись было повторено десять раз. Толпа отвечала на них криками и оскорблениями. Два национальных гвардейца были тяжело ранены. Но их товарищи еще сдерживали себя и стреляли в воздух. Мятежники сделали попытку прорвать линию и обезоружить национальных гвардейцев. Тогда раздались выстрелы, и мятежники были моментально рассеяны. Генерал Бержере тотчас же приказал прекратить стрельбу. Офицеры устремились на помощь усилиям генерала. Однако в середине площади еще послышались несколько выстрелов; установлено, что из домов стреляли в национальных гвардейцев. Двое из них, граждане Вален и Франсуа, принадлежавшие к 7-му и 215-му батальонам, были убиты; восемь - ранено: граждане Мальжурналь, Коше, Миш, Ансело, Лега, Рейе, Трэн, Лаборд. Первый убитый, доставленный в походный госпиталь в здании ломбарда, был виконт де Молине, раненый в голову и в спину; он находился в первом ряду мятежников. Молине упал на углу улицы de la Paix и Neuve-des-Petits-Champs со стороны Вандомской площади и лежал лицом к земле. Очевидно, он был убит самими мятежниками, так как, если бы он был ранен во время бегства, то его тело лежало бы по направлению к Новой опере. На трупе был найден кинжал, укрепленный на поясе цепочкой.

На улице de la Paix найдено множество револьверов и палок со скрытыми в них кинжалами; они отнесены в главный штаб площади.

Доктор Рамлоу, бывший старший хирург Тулузского гарнизона, жительствовавший в № 32 улицы de la Victoire, и много других врачей поспешили подать помощь раненым и подписали протокол.

Ценности, найденные при мятежниках, запечатаны в конверты и переданы в главный штаб площади.

Лишь благодаря хладнокровию и твердости генерала Бержере, сумевшему удержать справедливое негодование национальных гвардейцев, удалось избежать более крупных несчастий.

Американский генерал Шеридан, следивший за событиями из окна на улице de la Paix, уверяет, что выстрелы были произведены участниками манифестации.

В официальной части парижского Journal Officiel от 30 марта содержатся следующие документы:

Центральный комитет передал свою власть Коммуне.

Парижская Коммуна

Граждане!

Коммуна учреждена.

Голосование 26 марта санкционировало победу революции.

Подлая власть напала на вас, схватив вас за горло; в законной самозащите вы прогнали от ваших стен правительство, желавшее обесчестить вас и навязать вам короля.

Вы не захотели преследовать преступников; теперь они злоупотребляют вашим великодушием и организовывают у самых ворот города очаг монархической конспирации. Они призывают к гражданской войне, прибегают к подкупу, устраивают заговоры, они осмеливаются даже кланчить помощь у неприятеля.

За эти гнусные происки мы призываем их к суду Франции и всего мира.

Граждане, вы только что создали учреждения, которые сумеют бороться с этими покушениями.

Вы сами располагаете своей судьбой. Созданное вами представительство, сильное вашей поддержкой, исправит весь ущерб, причиненный городу отжившим правительством, подавленная промышленность, остановившийся труд, парализованная торговля получают новый, сильный импульс.

На первой очереди стоит вопрос о наемной плате за квартиры; затем вопрос о сроках платежей; восстановление и упрощение всех общественных учреждений; немедленная реорганизация национальной гвардии, отныне единственной вооруженной силы города

Таковы будут наши первые шаги.

Народные избранники просят своих избирателей поддержать их своим доверием в деле упрочения торжества республики.

Со своей стороны они исполнят свой долг.

П А Р И Ж С К А Я К О М М У Н А
А К Т Ы и Д О К У М Е Н Т Ы
Э П И З О Д Ы К Р О В А В О Й Н Е Д Е Л И

Городская Ратуша, 29 марта 1871

Парижская Коммуна

Парижская Коммуна постановляет:

§ 1. Рекрутский набор отменяется.

§ 2. В пределах Парижа не может быть учреждена и в городе не может быть введена ни какая военная сила, кроме национальной гвардии.

§ 3. Все способные к военной службе

Л граждане вступают в ряды национальной гвардии.

Городская ратуша, 29 марта 1871

Парижская Коммуна

Парижская Коммуна,

принимая во внимание, что труд, промышленность и торговля выдержали все тяжести войны, и признавая справедливым, чтобы собственность также внесла свою долю жертв на благо страны, постановляет:

§ 1. Взнос квартирной платы за октябрьский терм 1870 г. и январский и апрельский термы 1871 г. отсрочиваются:

§ 2. Внесенная уже нанимателями за эти 9 месяцев плата зачисляется в счет будущих термов.

§ 3. Вышесказанное распространяется также на плату за меблированные помещения.

§ 4. Всякий наниматель имеет право нарушить связывающий его контракт в течение шести месяцев со дня опубликования настоящего декрета.

§ 5. Всякий отказ от квартиры может быть, по желанию нанимателя, отложен на три месяца.

Городская Ратуша, 29 марта 1871

Парижская Коммуна

Примечание. Вопрос о процентах под залог недвижимостей будет разрешен специальным декретом.

Парижская Коммуна постановляет:

Продажа вещей, заложенных в ломбарде откладывается.

Городская Ратуша, 29 марта 1871

Парижская Коммуна

АПРЕЛЬ

1 апреля 1871

Многочисленная группа торговцев и промышленников явилась в городскую ратушу, прося раз'яснений по поводу принятых версальским правительством мер относительно отмены почтовых сношений; делегаты Коммуны раз'яснили им, что эта вредная для парижской торговли и промышленности мера принята помимо всякого желания Коммуны. После обмена мнений общее собрание Парижской Коммуны постановило: Парижская Коммуна, не признавая версальского правительства, тем не менее готова в общих интересах, принять все его предложения, которые, не затрагивая принципиальных вопросов, дали бы возможность установить свободное функционирование почтовых учреждений.

В неофициальной части Journal Officiel de Paris напечатано следующее сообщение:

Некоторые газеты усматривают в первых шагах Парижской Коммуны стремление выйти за пределы чисто муниципальной деятельности. Нет сомнения, что издавая в Париже декреты об отсрочке квартирной платы, об отмене рекрутского набора и т.д., Коммуна вышла из узкого круга вопросов, отведенных ему прежним законодательством муниципальной свободе. Но было бы странным ребячеством думать, что единственная цель революции 18 марта была — обеспечить Парижу выборное коммунальное представительство, подчиненное деспотической опеке централизованной национальной власти. Законы во Франции никогда не признавали, одинаково и для Парижа, и для провинциальных городов и деревень, права на независимость и свободное самоуправление, а они-то и являются неперенным условием правильного хода жизни, прочности и прогресса республиканского государства.

С первого дня было ясно, что борьба и победа 18 марта имели целью завоевать и обеспечить в будущем эту независимость, как для всех французских коммун, так и для более крупных единиц, кантонов, департаментов и провинций, связанных своими общими интересами в национальный союз, который только тогда и может быть истинно национальным; ради обеспечения и упрочения республики, утвержденной на этом фундаменте, боролись деятели 18 марта.

Какой разумный и добросовестный человек решится утверждать, что Париж, выдержав все муки осады, тяжелые, хотя и кратковременные последствия бурного переворота, произвел восстание только для того, чтобы добровольно подчиниться закону, который даже не подвергался его обсуждению, который не предоставляет ему ни заведывания своей полицией, ни верховного надзора за своими финансами, ни управления национальной гвардией; иными словами закону, который является не залогом свободы, а печатью рабства.

Преобразовываясь в Коммуну, Париж правда отрекся от своего кажущегося всемогущества, в действительности, ведшего его к упадку; но он не отрекся от своей инициативы, от своей моральной силы и интеллектуального влияния, столько раз создававших успех его пропаганде во Франции и в Европе. Освобожденный, автономный Париж должен остаться центром экономического и промышленного движения, местопребыванием банка, национальных управлений железных дорог, всех крупных учреждений; жизнь должна широким потоком распространяться из него по кровеносным сосудам социального тела и возвращаться еще более деятельной и интенсивной.

В ожидании окончательного торжества своего дела, которое предоставит освобожденному Парижу в силу его экономического - и умственного развития, влиятельную, хотя я не господствующую роль, Коммуна ограничится защитой целокупности своих прав и интересов. В вопросах муниципальной организации, наемной платы и сроков платежа - она признает за собой высшую законодательную власть; здесь ее дело, ее интересы, и они могут быть законно удовлетворены только ее представителями, а не теми, кто отрицает или попирает эти интересы.

Коммуна имеет право поступать так по отношению ко всякой центральной власти, которая, сведенная к настоящим своим функциям должна ограничиться только ролью стража и защитника общих интересов. Но по отношению к захватчикам власти, повинующимся только идее государства, призывающим к социальной ненависти и подлому террору и отвечающим репрессиями и мезтью на всякое напоминание об обязательствах и гарантиях подобное поведение становится ее долгом.

2 апреля 1871

Парижская Коммуна, принимая во внимание, что до сего времени высшие общественные должности, благодаря присвоенным им высоким окладам, служили предметом домогательства и раздавались в виде милости; с другой стороны принимая во внимание, что в истинно-демократической республике не может быть ни синекуры, ни преувеличенных окладов жалованья,

постановляет:

максимум содержания чиновников различных коммунальных учреждений определяется в шесть тыс. франков в год.

Городская Ратуша, 2 апреля 1871
Парижская Коммуна

Версаль, 2 апреля 1871. 7 час 49 мин. веч.

Глава исполнительной власти префектам

Несколько тысяч национальных гвардейцев, повинувшись приказу центрального комитета, вышли из Парижа и заняли Курвуа, Пюто и мост Нельи.

Они были обращены в бегство.

Баррикады, защищаемые мятежниками, энергично и охотно разрушались нашими войсками.

Взято много пленных. Национальные гвардейцы разбегаются по всем направлениям. Моральное значение события — превосходно.

3 апреля 1871

Неофициальная часть Journal Officiel de Paris содержит следующие документы:

Национальной гвардии Парижа:

Заговорщики монархисты напали на нас.

Они напали на нас, несмотря на умеренность нашего поведения.

Не рассчитывая более на поддержку французской армии, они послали на нас папских зуавов и императорскую полицию.

Не довольствуясь прекращением сообщений наших с провинцией, и попытками, правда, тщетными уморить нас голодом, эти жестокие безумцы, захотели последовать примеру пруссаков вплоть до бомбардировки Парижа. Сегодня утром шуаны генерала Шаретт, вандейцы Кателино и бретонцы Трошю, под прикрытием жандармов Валентина, осыпали снарядами и картечью безобидную деревушку Нельи и завязали гражданскую войну с нашими национальными гвардейцами. Были убитые и раненые. Мы избраны населением Парижа, наша обязанность защищать великий город от преступного посягательства. С вашей помощью, мы отстоим его.

Исполнительная Комиссия,
Бержеръ, Эд.Дюваль, Лефрансе, Феликс Пиа, Г.Тридон, Э Вальян

Телеграмма

Париж, а апреля 1871, 5 ч. 30 м. веч.

Помещение исполнительной комиссии. Бержере находится в Нельи. Согласно сообщению, неприятельский огонь прекратился. Настроение войска превосходное. Рядовые солдаты приходят к нам заявляя, что за исключением высшего офицерства, никто не хочет сражаться. Жандармский полковник, начавший наступление, убит.

Начальник главн. штаба, полковник *Анри*

Воспитанницы одного пансиона в Нельи, при выходе из церкви, буквально засыпаны картечью солдат гг. Фавра и Тьера.

Парижская Коммуна

Принимая во внимание, что члены Версальского правительства об'явили и начали гражданскую войну, напали на Париж, убили и ранили много солдат национальной гвардии и линейных войск, а также женщин и детей, что это преступление противно всякому праву, совершено ими без всякого вызова, предумышленно и предательски,

постановляет:

§ I. Г.г. Тьер, Фавр, Пикар, Дюфор, Симон и Потюо привлекаются к ответственности.

Их имущество подлежит аресту и секвестру впредь до их появления пред народным судом.

Правительственные уполномоченные по министерству юстиции и общественной безопасности озаботятся приведением настоящего декрета в исполнение.

Парижская Коммуна

Парижская Коммуна усыновляет всех детей граждан, павших при отражении преступного монархического заговора против Парижа и французской республики.

Парижская Коммуна

Принимая во внимание, что основным принципом французской республики является свобода;

что из всех видов свободы главный есть свобода совести;

что государственный бюджет церкви противоречит этому принципу, так как насилует убеждение граждан;

что в действительности духовенство было соучастником в преступлениях монархии против свободы;

постановляет:

§ 1. Церковь отделяется от государства;

§ 2. Церковный бюджет упраздняется;

§ 3. Так называемые неотчуждаемые имущества, принадлежащие религиозным конгрегациям, как движимые, так и недвижимые, об'являются национальной собственностью.

§ 4. Назначается немедленное расследование по поводу этих имуществ, с целью выяснить их характер и передать их в распоряжение нации.

Парижская Коммуна

В неофициальной части Journal Officiel de Paris напечатана следующая статья:

Теперь не время говорить о принципах. Со вчерашнего дня началась борьба. Опять знамя гражданской войны поднято теми, кто вот уже две недели вкладывает такое мрачное кровавое значение в великие слова — закон и порядок.

Пусть будет так. Даже в этот страшный час революция 18 марта не теряет веры в одушевляющие ее идеи и в свои силы, не отрекается от своей программы. Как бы далеко ни завлекли ее потребности войны, как бы ни было для нее ново создавшееся положение, Коммуна никогда не забудет, что она была избрана не для того, чтобы управлять Францией, но чтобы освободить ее, вызывая своим примером ее инициативу.

Но если Парижская Коммуна намерена уважать право Франции, она не станет больше щадить тех, кто покушается теперь на ее существование; эти преступники не имеют даже права ссылаться на деспотизм большинства, — они уже исчерпали свои полномочия

Беспристрастные, нейтральные умы признали, что Париж был, а тем более теперь, находится в положении воюющей стороны. Пока война не окончится поражением или подчинением одного из противников воле другого, не может быть и речи о взаимном разграничении прав. Все, что предпримет Париж против нападающего на него врага, будет законным, в силу того факта, что он защищает свое существование, факта служащего основанием права.

Кто был зачинщиком войны. Кто в течение этих двух недель так часто взывал к насилию и ненависти? Эта надутая гордостью и государственными интересами власть, которая сперва стремилась обезоружить нас, чтобы поработить нас, а затем восстала против наших прирожденных прав, и даже после своего поражения продолжает считать нас мятежниками? И наоборот, откуда исходили мысли об умиротворении, об окончательном определении компетенций и взаимных обязательств, как не от победоносного Парижа?

А теперь враг нашего города, его воли, заявленной двумястами тысяч голосов, враг его прав, признанных даже диссидентами, шлет нам не предложения мира, и даже не ультиматум; но аргументы своих пушек; даже в сражении он продолжает рассматривать нас, как мятежников, лишенных каких бы то ни было человеческих прав; жандармы поднимают в знак братания свои приклады, а когда мы приближаемся к ним, они расстреливают нас в упор; их снаряды разрываются среди нас, убивая наших девушек!

Вот они, эти обещанные репрессии, дань роялистической реакции, вероломно, в тиши подготовленные теми самими людьми, которые в течение целых месяцев издевались над нашим патриотизмом, но не могли ослабить нашего мужества.

На этот дикий вызов Коммуна ответила актом холодной справедливости. Не будучи еще в состоянии покарать главных преступников персонально, она ударяет по их имуществу. Эта строго справедливая мера единодушно одобрена совестью всего города.

Конечно, главные виновники, подлежащие наибольшей ответственности — это руководители; но и среди исполнителей есть виновные, которые также должны нести ответственность.

Это прежде всего приверженцы партии прошлого; во время войны они, всею душою служили не Франции, а своим традициям и привилегиям; сражаясь, они не защищали нашей родины, так как с 89 года нашей родиной является не только родная, земля, но и все политические, гражданские моральные победы революции.

Эти люди, быть может и честные, но несомненные фанатики, без зазрения совести объединились с полицейскими бандами. Они понесут свою долю кары, согласно роковому, неизбежному закону солидарности. Направленные против них меры являются в сущности возвратом к чуждым им принципам французской революции. Рано или поздно этот разрыв должен был неизбежно дойти до своего логического вывода.

Их союз с враждебной нам незаконнорожденной властью с точки зрения их верований и интересов является простой неизбежностью, выполнением долга. Возмущаясь против того понимания справедливости, которое выходит за пределы их закона, они объявляют войну революции, ее принципам и последствиям. Они желали бы раздавить Париж, так как этим они надеются раздавить свободную мысль и свободную науку; они мечтают вернуть взамен радостного, вольного труда барщину смиренного рабочего и послушного ремесленника, чтобы и дать возможность маленькому кружку высших пребывать в прежнем бездействии и славе.

Эти враги Коммуны хотят не только отнять у нас республику, но и лишить наших человеческих и гражданских прав. Торжество их бесчеловечного дела уничтожило бы не только 18 марта, но и 24 февраля, 22 июля и 10 августа.

Поэтому необходимо, чтобы победил Париж. Никогда еще наш великий город не воплощал в себе так полно и ярко тех идей, интересов и прав, во имя которых победоносно сражались наши отцы.

Сознание значения своих прав и величия своего долга делает Париж единокрушным. Перед трупами раненых и убитых сограждан, в двух шагах от расстрелянных девушек, в свободном городе кто бы решился говорить языком раба? Кто бы осмелился быть шпионом в этом воинственном городе?

Нет, всякий раскол должен быть уничтожен, все чувствуют свою солидарность, социальная ненависть и антагонизм ослабели, как никогда; все сознают, что от нашего единокрушия зависит победа.

4 апреля 1871

Телеграмма

3 апреля, 11 час. 30 мин.

Полковник Бургуэнь Главному директору.
Бержере и Флуранс соединились и направляются на Версаль; успех обеспечен.

3 апреля, 2 час.

В четыре часа утра колонны под предводительством генерала Дюваля и полковника Флуранса соединились на перекрестке Курбвуа. Немедленно вслед за тем им пришлось выдержать сильный огонь, открытый по ним с холма Валерьен.

Войска укрылись за стенами и домами. Под их защитой командующим удалось произвести весьма успешное движение и, перейдя в наступление, вывести обе колонны на дорогу к Версалю.

Генерал Бержере шел во главе войска, ободряя его возгласами „Да здравствует республика!“ Под генералом были убиты две лошади.

Огонь версальцев не причинил нам существенного вреда.

Монархическая реакция не знает жалости. Вчера она напала на Нельи, сегодня на Ванв и Шатильон.

К счастью, наша армия, была во время предупреждена и, перейдя в наступление, по всей линии отразила неприятеля.

Противник был отброшен к высотам Мелена, а наши смелые разведчики достигали Буживаля.

5 апреля 1871

Исполнительная Комиссия

Бержере, Эд.Дюваль, Лефрансэ, Феликс Пиа, Г.Тридон, Э.Вальян

Инспектора и контролеры парижских базаров и рынков получили приказ сдать корешки ордеров казначеям для передачи ими денежных сумм финансовому уполномоченному (в министерство финансов).

Чиновники, не исполнившие в течение сорока восьми часов настоящего постановления, будут уволены от службы.

Лица, утаившие часть принадлежащих Коммуне денег, будут преследоваться за лихоимство.

Члены Коммуны, уполномоченные по финансовым делам *Фр.Журд, Э.Варлен*

Уполномоченные Коммуны по внутренним делам отправили редактору Paris Journal следующую заметку:

Льются потоки крови, версальские сыщики и жандармы убивают наших братьев, а в это время Paris Journal продолжает распространять возмутительную клевету против Коммуны и героической национальной гвардии Парижа.

Преступная неправда, будто „Париж объявляет войну Франции“; неправда, что национальная гвардия расстреляла парламентаря; напротив, сколько раз национальная гвардия подвергалась атакам версальцев, только что "Поднимавших приклады, желая обмануть ее бдительность.

Свобода печати не дает права, осторожно спрятавшись за газетой, увеличивать ужасы этой борьбы, начатой не Парижем, но ведущей к торжеств республики и Коммуны.

В газете le Cri du peuple мы читаем:

Граждане!

Роялисты только-что стрелявшие в нас, шуаны, убившие своей бомбардировкой невинных детей, напали на население Версаля.

Кавалеристы, с саблями наголо топтали толпу ногами своих лошадей.

Со всех сторон крики негодования и ужаса.

Коммуна хранит спокойствие, Собрание — бунтует.

Оно размахивает саблями в Версале и желало бы убивать в Париже.

Оно согласилось бы царствовать над мертвецами, но для этого ему нужно пройти через баррикады по нашим трупам.

Завтра не только Париж, но и вся выведенная из терпения Франция обрушится на них.

Знаменосцами Собрания служат муниципальные чиновники, шуаны и полицейские: за нас стоит народ, народ, впервые свободный.

Борьба началась.

Посылая в нас первые пушечные ядра, Версальское Собрание подписывает свой смертный приговор.

Оно уже не существует.

I.-B. C.

5 апреля 1871

Парижская Коммуна

Прокламация к парижскому населению

Граждане!

Война, которую объявили нам версальские монархисты, не достойна цивилизованных людей; это — война дикарей.

Вандейцы Шаретта и агенты Пьетри расстреливают пленных, умерщвляют раненых и стреляют в походные госпитали.

Сколько раз эти презренные, позоря солдатский мундир, поднимали приклады, и потом изменнически стреляли в наших доблестных, слишком доверчивых сограждан.

И все же ни измена ни предательство не доставят победы врагам наших прав.

Порукой за нас энергия и мужество национальной гвардии, ее преданность республике.

Героизм и стойкость ее удивительны.

Наши артиллеристы с замечательной точностью наводят орудия.

Им не раз удавалось принудить замолчать врага, оставившего в наших руках одну митральезу.

Граждане!

Парижская Коммуна не сомневается в победе.

Уже приняты самые энергичные решения.

Учреждения, временно дезорганизованные, вследствие измены и предательства, в настоящее время восстановлены.

Каждый час использован для нашей будущей победы.

Коммуна рассчитывает на вас, как и вы можете рассчитывать на нее.

Скоро стыд за совершенные преступления падет на версальских роялистов.

Вам же, граждане, будет вечная слава за спасение Франции и республики.

Национальные гвардейцы!

Парижская Коммуна поздравляет вас: вы заслужили республику.

Париж, 4 апреля 1871

Исполнительная Комиссия:

Бержере, Делеклюз, Дюваль, Эд. Феликс Пи, Г.Тридон, Э.Вальян

В неофициальной части парижского Journal Officiel напечатано следующее:

Мэрия 9-го округа

В виду наступления апрельского терма а также в виду различных толкований, при даваемых декрету парижской коммуны о наемной плате, уполномоченный по администрации мэрии 9-го округа считает необходимым перечислить в нескольких словах вытекающие из этого декрета последствия;

Переезд с квартиры

§ 1. Всякий наниматель, в должный срок отказавшийся или получивший отказ на апрельский терм от нанимаемого им помещения, имеет право воспользоваться при переезде льготой, Предоставленной декретом Коммуны по отношению к трем означенным в нем термам.

§ 2. Наниматели, в должный срок отказавшиеся или получившие отказ на июльский терм, точно также могут воспользоваться тремя льготными термами, но не иначе, как под условием предварительного взноса платы за терм, истекающий в июле сего года.

Контракты

Наниматели, живущие по контракту и желающие уничтожить его, могут сделать это либо по добровольному соглашению, либо через посредство судебного пристава. Акт уничтожения контракта должен указывать определенный срок, не ранее 1 октября с.г.

Наниматели по контракту, желающие выехать немедленно, обязаны поэтому предварительно уплатить за часть терма с 1-го апреля по день, назначенный сроком окончания контракта.

Меблированные комнаты

Наниматели меблированных комнат могут занимать свои помещения вплоть до 8 апреля с.г. С наступлением этого срока они могут выехать со всеми своими вещами, но лишь при условии, если они должны за срок не позже 1-го июля.

Важное предупреждение

Нанимателей, удержавших за собою на апрельский терм новое помещение, убедительно просят справиться заранее, освободится ли к сроку нанятое ими помещение или его жилец намерен воспользоваться предоставленным ему по декрету правом отсрочить свой переезд на три месяца.

Муниципальные власти не могут предупредить возникающих в этих случаях затруднений, если наниматели не озаботятся тотчас же приисканием себе другого помещения.

Начиная с 5 апреля, в мэрии ежедневно с двух до пяти час. заседает муниципальная комиссия; в ее задачу входит по возможности примирить все разногласия, могущие возникнуть между нанимателями и собственниками.

Уполномоченный по администрации обращается к добросовестности и патриотизму всех граждан, дабы по возможности облегчить применение настоящего декрета.

Уполномоченный по администрации мэрии 9 округа *Байе-Дюмениль*

Мэрия 20-го округа

Граждане!

Национальные гвардейцы 20-го округа презрели свои гражданские обязанности и позорно покинули свой пост, распространяя совершенно лживые слухи о нашем положении тогда как мы продолжаем наступать.

Вследствие этого мы, члены коммунальной комиссии 20-го округа, приглашаем наших сограждан помочь нам энергичнейшим образом подавить эту клевету.

Париж, 3 апреля 1871

Члены коммунальной комиссии 20-го округа:

Тальяд, Гильмен, Лалож, Кутюрье, Данже, Марти

За комитет 20-го легиона, по поручению,

Жанс, Род, Рулье, Роллен, Шнейдер

В газете „l'Affranchi“, главным редактором которой состоит Г.Паскаль Груссе, читаем:

На военном совете бонапартистов, в лице Винуа, Дюкро, Фальи, было решено атаковать Париж со стороны Нельи.

Городовые, переодетые матросами, и парижские полицейские начали атаку. Банды роялиста Шаретта поддерживали их.

Папские зуавы несли белое знамя и кричали: „Да здравствует король.“

Теперь уже не осталось на этот счет никаких сомнений.

6 апреля 1871

Парижская Коммуна

Граждане!

Версальские бандиты ежедневно убивают наших пленных; каждый час приносит нам известия о новых убийствах.

Вы знаете преступников: это жандармы и городовые империи, это роялисты Шаретта и Кателино, идущие на Париж с белым знаменем с возгласами „Да здравствует король“.

Версальское правительство поставило себя вне законов войны и гуманности; поэтому и мы вынуждены прибегнуть к репрессиям.

Если наши враги будут по-прежнему пренебрегать обычными между цивилизованными народами условиями войны и умертвят хоть одного нашего солдата, мы ответим им казнью соответствующего или двойного числа пленных.

Народ великодушен и справедлив даже в гневе; он ненавидит кровь, также как ненавидит гражданскую войну; но он обязан предохранить себя от диких покушений своих врагов, и чего бы это ему ни стоило, он заплатит оком за око и зубом за зуб.

Париж, 5 апреля 1871

Парижская Коммуна

Прочь жалость!

Прочь жалость, говорим мы; прочь милость, прочь пощаду презренным, навлекшим на нас гражданскую войну. Это не люди, это тигры, купающиеся в крови и с остервенением бросающиеся даже на мертвую жертву.

Цепенеешь от ужаса перед дикими жестокостями, совершенными этими разбойниками.

Республиканцы опять явились жертвой своего великодушия; они забыли, что их непримиримые противники — орда бывших городских и прежней муниципальной гвардии, целых восемнадцать лет избивавшая и расстреливавшая их.

Много национальных гвардейцев и линейных солдат, сражавшихся в наших рядах, взяты в плен и расстреляны; ярость палачей не удовлетворилась этим, они бросились на еще трепещущие трупы и распороли им животы.

Во время боя двадцать пять солдат 88 линейного полка подняли вверх приклады, намериваясь перейти на сторону национальных гвардейцев; они были тотчас же расстреляны.

В Рюеле, за оградой, взвод городских, одетых в солдатские мундиры, занимались расстреливанием приводимых к ним пленных.

Что же нам делать? Как отвечать на эти отвратительные выходки?

Остается, не зная ни жалости, ни пощады, воздать око за око и зуб за зуб.

Пусть городские, муниципальная гвардия, шуаны и вандейцы будут искупительной жертвой за всех зарезанных и расстрелянных в течение стольких лет республиканцев.

Принимая во внимание, что версальское правительство открыто попирает законы войны и гуманности; что оно повинно в ужасах, которыми не запятнали себя даже поработители французской земли;

что на представителей Коммуны возложен священный долг защищать честь и жизнь двух миллионов обитателей, вручивших в их руки свою судьбу; и что необходимо теперь же принять соответственные положению меры;

принимая также во внимание, что политические деятели и городские выборные должны примирять общее благо с уважением к политической свободе;

Парижская Коммуна постановляет:

§ 1. Всякое лицо, заподозренное в соучастии с версальским правительством, подлежит аресту и суду.

§ 2. Не позднее двадцати четырех часов назначается обвинительное жюри для расследования вменяемых ему преступлений.

§ 3. Жюри произносит свой приговор не позднее сорока восьми часов.

§ 4. Обвиняемые, задержанные по приговору обвинительного жюри, считаются заложниками парижского народа.

§ 5. Всякая казнь военнопленных или партизанов законного правительства парижской Коммуны имеет немедленным последствием казнь тройного числа заложников, задержанных, согласно § 4, и назначаемых жеребьевкой.

§ 6. Все военнопленные немедленно передаются обвинительному жюри, которое решает, остаются ли они в качестве заложников или отпускаются на волю.

Мы получили следующее сообщение:

Париж, 5 апреля 1871.

Членам Парижской Коммуны

Я приехал из Версаля взволнованный, возмущенный виденными мной там ужасами.

Пленные подвергаются в Версале самом зверскому обращению. Их безжалостно бьют. Я видел нескольких человек окровавленных, с оторванными ушами, с лицом и шеей, исцарапанными, точно когтями диких зверей. В таком состоянии находился полковник Анри, и в интересах его славы и чести я должен засвидетельствовать, что он гордый и спокойный стоически шел на смерть, с презрением глядя на эту толпу варваров.

На глазах правительства происходит совершенно бесправый суд. Смерть косит наших сограждан, попавших к ним в плен. Их сажают в погреба и поручают попечению жандармов.

Я считаю долгом доброго гражданина поделиться с вами рассказом об этих жестокостях, одно воспоминание о которых долго еще будет вызывать мое негодование.

Баррер

Удостоверяю, что настоящее заявление сделано в моем присутствии.

Леру, командир 84 батальона национальной гвардии

7 апреля 1871

Центральный комитет республиканской федерации национальной гвардии выпустил следующую прокламацию, обращенную к парижским обывателям:

Граждане!

То, что теперь происходит, — это вечная драма преступников, стремящихся избавиться от наказания при помощи нового преступления, которое позволило им безнаказанно царить посредством страха.

Это горсть клятвопреступников, изменников, фальшивомонетчиков и убийц, топящих в крови правосудие.

Граждане Парижа, наступают великие дни высокого героизма и высшей добродетели. В ваших руках лежат счастье родины и будущее целого мира. Вас ожидают благословения или проклятия будущих поколений.

Рабочие, не обманывайте себя: идет великая борьба между паразитизмом и трудом, между эксплуатацией и производством. Если вы устали коснеть в нужде и невежестве; если вы хотите, чтобы ваши дети и вы сами пользовались плодами своего труда, а не воспитывались, как животные, для мастерской и для войны, не орошали своим потом богатство эксплуататора, не проливали свою кровь ради какого-нибудь деспота; если вы не хотите, чтобы ваши дочери, лишённые надзора и воспитания, становились орудием наслаждения в руках денежной аристократии; если вы не хотите, чтобы разврат и нужда толкали мужчин в руки полиции, а женщин к проституции; если вы хотите царства справедливости, — будьте мудры, будьте на страже! Вперед, рабочие. Пусть ваши сильные руки низвергнут поганую реакцию.

Граждане Парижа, торговцы, ремесленники, лавочники, мыслители, все, кто работает и искренно ищет разрешения социальных проблем, центральный комитет заклинает вас вместе идти к прогрессу. Воодушевитесь мыслью о судьбе родины, о ее мировом гении!

Центральный комитет твердо верит, что героическое население Парижа обессмертит свое имя и возродит весь мир.

Да здравствует республика! Да здравствует Коммуна!

Париж, 5 апр. 1871

За центральный комитет (следуют подписи)

В официальной части Journal Officiel de Paris напечатаны следующие документы:

В виду голосования Коммуны 5 апреля, по поводу запроса об арестах, произведенных центральным комитетом, и комиссией безопасности, исполнительная комиссия приглашает юридическую комиссию немедленно собрать сведения о числе и характере этих арестов и распорядиться либо освобождением арестованных, либо явкой их в суд перед обвинительным жюри Юридическая комиссия должна, уделить особое внимание этой мере непосредственно касающейся одного из великих принципов республики — свободы.

Париж, 7 апреля 1871

Исполнительная Комиссия:

Ф. Курне, Делекс, Феликс Пиа, Г. Тридон, Э. Вальян, Верморель

Версальский Journal Officiel содержит следующее:

Граждане!

„Несколько человек, принадлежащих, как дознано, к составу армии и схваченных с оружием в руках, были расстреляны, согласно строгости военного закона, который карает солдат, изменивших своему знамени“.

Это чудовищное признание не нуждается в комментариях. Каждое слово взывает к мести и справедливости. И месть не замедлит. Ярость наших врагов доказывает их слабость. Они подло убивают нас; мы сражаемся. Республика победит!

Париж, 7 апреля 1871

Исполнительная Комиссия:

Курне, Делеклюз, Феликс Пиа, Тридон, Вальян, Вермолен

В неофициальной части версальского Journal Officiel напечатано следующее:

Версаль, - апреля 1871

Известно, что Коммуна уничтожила свободу печати и запретила Debats и несколько других умеренных газет. Сегодня в le Siecle, который еще продолжает выходить, появилась следующая статья, свидетельствующая о том, сколько страданий, нищеты и разорения терпят парижане по милости членов Коммуны, сколь сильна в населении потребность мира и порядка.

Париж, — это неоспоримая истина, — может жить в материальном отношении только торговлей и промышленностью. Город не производит сам предметов потребления, а вынужден получать их извне, в обмен на продукты своей промышленности. Но в своем современном состоянии Париж не может ни работать, ни заниматься торговлей; торговли и промышленность уничтожены.

Париж на половину истощенный пятимесячной осадой, существует лишь остатками своих сбережений. Каждый день приносит одни потери; капитал тратится и не восстанавливается.

Наиболее оптимистически настроенный приверженец Коммуны не станет спорить, что продолжение теперешнего состояния сделает совершенно невозможным возвращение к работе.

Итак нам предстоит разорение и голод. Такова сила необходимости; против нея смешно было бы возражать.

Если Париж еще не подвергается материальной блокаде, как во время осады, — то это надо признать, — лишь потому, что версальское правительство не хочет прибегать к столь крайней мере.

Довольно было бы, его приказа, и подвоз припасов был бы прекращен.

Военное бессилие Коммуны за пределами укрепленного района отдает существование Парижа на полную волю Версаля.

Мы склонны думать, что правительство Национального Собрания не воспретит подвоза с'естных припасов; но, как мы доказали выше, это только отсрочка окончательного кризиса.

Полное истощение наших финансовых средств произведет такое же действие, как и самая строгая блокада.

Здесь бессильны революционные движения. Коммуна может запретить все газеты, арестовать всех подозрительных, лиц заставить замолчать всех своих противников, она может издать декрет о максимуме, захватить кассы и реквизировать с'естные припасы; все это в ее власти; но она не в силах вернуть жизнь торговле и промышленности и восстановить израсходованный капитал.

Какой же из этого вывод? спросит читатель.

Вывод вытекает с логической необходимостью: Париж не может существовать без провинции, он бессилен против того правительства, которое поддерживает провинция, следовательно, под страхом полного разорения, он должен заключить мир с этим правительством. Один из излюбленных приемов вождей восстания, тем более легкими для них, что некоторые газеты, их поддерживают, а другие запуганы ими или совершенно закрыты, есть распространение ложных известий. В первые же дни, с целью ободрить тех, кого они толкали на гражданскую войну, они сочинили взятие горы Валериан; теперь они выдумали победу при Аньер.

Общественное мнение, достаточно ознакомленное с нравами этих людей, сумеет разобраться в этих выдумках, а равно и в тех клеветах, которые они распускают о членах правительства и национального собрания, защищающих закон, свободу и суверенитет нации.

В Париже продолжают аресты. Вчера были арестованы и в тот же день выпущены члены административного совета Северной железной дороги. Сообщают также об аресте г.Деньера, одного из управляющих банка, бывшего председателя коммерческого суда.

Число лиц, покинувших Париж после декрета Кюзере о призыве всех мужчин от девятнадцати до сорока лет, громадно. В предместье Сент-Антуан, в Берси, в беднейших округах царит такая же паника, как и в буржуазных кварталах; и там и здесь лица, подпавшие под эту тиранническую меру, стремятся спастись бегством.

Аресты духовных лиц сопровождаются обысками в церковных ризницах. Жены мятежных национальных гвардейцев не только присутствуют при этом, но и запускают руку в церковные украшения и белье.

9 апреля 1871

П р и к а з

В последние дни в некоторых округах царит сильное смущение. Можно подумать, что подкупленные Версалем лица стремятся утомить и дезорганизовать Национальную Гвардию.

Среди ночи бьют тревогу.

Без всякого толка бьют сбор. Солдаты, не зная, кого слушать, перестают обращать внимание на сигналы; и Национальная Гвардия, это могущественное учреждение, спасение и надежда народа, готово погубить свою славу.

Подобное положение не должно продолжаться. Я приглашаю поэтому всех добрых граждан хорошенько запомнить следующие указания.

Сигнал к тревоге дается только по моему приказу или по приказу исполнительной комиссии и единственно в случае общего призыва к оружию.

Сигнал к сбору дается в округах только по приказу из крепости за подписью коменданта и означает сбор нескольких батальонов для выполнения особого поручения.

Но это не все. Вопреки моим формальным приказам непрерывная канонада уменьшает наши запасы, утомляет и возбуждает население, и вызывает с одной стороны усталость, с другой — гнев и ненависть.

Благодаря этому, великая революция, мирная и прекрасная, грозит превратиться в насильственную, иными словами — слабую. Мы сильны; поэтому будем спокойны! Отчасти вина лежит на военных начальниках, слишком молодых и слабых, чтобы противиться народному давлению. Человек долга считается только со своею совестью и презирает популярность. Я повторяю приказ строго ограничиваться самозащитой, не подражая нашим противникам, и не расточать ни военных запасов, ни своих сил, а тем более беречь жизнь великих граждан, детей нашего народа, произведших революцию.

Когда уляжется шум и воцарится спокойствие, нам будет гораздо легче усовершенствовать свою организацию, от которой зависит также наша будущность.

А пока, граждане, отложим в сторону мелочное соперничество, личности, грозящих разрушить союз, скованный общностью интересов и страдания. Если мы хотим победить, то мы должны объединиться. А есть ли лучшая, простейшая и благороднейшая связь как братство по оружию на службе у справедливости?

Организуйтесь в роты, или вернее, пополняйте их, так как они уже существуют.

С семнадцати до девятнадцати лет служба добровольная, с девятнадцати до сорока — она обязательна, как для холостых, так и для женатых.

Организуйте в своей среде патриотическую полицию, не выпускайте из надзора трусов

Как только с'организуются четыре роты, с минимальным наличным составом 500 человек, батальонный командир пред'являет в крепость требование помещения для казармы. В казарме или в лагере организация батальона быстро довершится, и все это смятение и тревоги исчезнут в могучем дыхании победы.

Дантон требовал от наших отцов смелости, смелости и еще раз смелости; я требую от вас порядка, дисциплины, спокойствия и терпения: потом легко будет присоединить к ним и смелость. Но в данный момент она была бы смешна и преступна.

Париж, 8 апреля 1871
Уполномоченный по военным делам Э.Клюзере

Париж, 9 апреля 1871

Каждая рота должна избрать трех делегатов, независимо от их чина, для образования батальонного собрания; и него входят также офицеры, избранные офицерским корпусом каждой роты по одному на роту, и батальонный командир.

Батальонные собрания округа должны избрать двух делегатов для образования легионного совета, в который входят также все батальонные командиры округа,

Легионные советы округов должны избрать трех делегатов в центральный комитет. Батальонные командиры округа выбирают одного из своей среды на пост начальника легиона для представительства в центральном комитете.

Один из ротных делегатов назначается присутствовать в обедах собраниях для отдачи в них отчета своим доверителям.

Равно присутствуют в общих собраниях: офицеры, избранные офицерским корпусом батальона, и батальонные командиры

Батальонные собрания и легионные советы суть чисто семейные учреждения, посвященные специальным интересам своих доверителей; они выслушивают всевозможные - требования и защищают их в центральном комитете.

Они заведуют выборами на вакантные делегатские места.

В их задачу входит наблюдение за добрым духом батальона или легиона, поддержка в них путем настойчивости и собственного примера дисциплины, забота, чтобы ни один национальный гвардеец не мог уклониться от возложенной на него обязанности.

Они сообщают центральному комитету о своих желаниях и планах касательно улучшения общей организации.

Начальники легионов могут получать от военных властей непосредственные приказания, относящиеся к одному или нескольким, подведомственным им батальонам.

Но легионные советы, батальонные собрания и ротные уполномоченные никоим образом не могут вмешиваться в командование, отдавать приказы или бить сбор батальонов.

Общее благо требует, чтобы все эти предписания соблюдались наистрожайшим образом, чтобы с одной стороны всецело обеспечивались гражданские и военные интересы национальной гвардии, а с другой стороны, чтобы разумная, сознательная дисциплина проникала в ряды доблестных граждан, на мужестве и разуме которых покоится будущее республики.

Национальная гвардия должна отнестись с величайшей тщательностью к выборам своих командиров. Военные познания, энергия и твердые республиканские убеждения — вот качества, которыми должны обладать кандидаты.

Но как скоро выбор произведен с полной осмотрительностью, национальные гвардейцы обязаны полным доверием к своим избранникам; они должны воздерживаться от толкований полученных приказаний и не забывать, что послушание и дисциплина составляют силу армии, что недисциплинированный корпус превращается в бессвязную, легко побеждаемую банду.

Власть, издающая приказ, одна несет за него ответственность, и всякое непослушание, иногда даже колебание, легко может превратиться в преступление, позорящее честь национальной гвардии и подрывающее успех операции. Начальники должны проявлять кротость, но энергично подавлять всякую попытку к несогласию.

Здравый смысл граждан легко установит узы взаимного доверия и солидарности, на которых должна покоиться дисциплина национальной гвардии.

Настоящий циркуляр войдет в ротные приказы и будет прочитан на трех последовательных переключках.

За Центральный комитет:

Г. Арнольд, Андинью, Одуано, Авуан-сын, Бару, Буи, Л. Бурсье, Г. Шутто, А. Дюкамп, Фабр, Ферра, Фуржере, К. Годье, Гроллап, Гуйе, Гираль, Лавалетт, Эд. Моро, Прюдомм, Руссо
Одобрено уполномоченным по военным делам *Клюзере*

11 апреля 1871

Национальной гвардии

Граждане,

мы узнали, что национальная гвардия продолжает высказывать беспокойство по поводу гражданина Домбровского, назначенного комендантом крепости.

Ему ставится в упрек, что он иностранец и неизвестен парижскому населению.

В самом деле, гражданин Домбровский — поляк.

Во время последнего польского восстания он был избран главнокомандующим и в течение нескольких месяцев оказывал сопротивление русской армии.

Он был генералом в распоряжении Гарибальди и пользуется его исключительным уважением. Приняв командование Вогезской армией, Гарибальди тотчас же просил содействия гражданина Домбровского. Трошю отказался выпустить его из Парижа и даже подверг его аресту.

Гражданин Домбровский принимал также участие в Кавказской войне, за независимости нации, которой угрожал неумолимый враг.

Таким образом, гражданин Домбровский - несомненный военный и преданный солдат всемирной республики.

ПАРИЖСКАЯ Исполнительная Комиссия Коммуны

АКТЫ и ДОКУМЕНТЫ 11 апреля 1871

Воззвание к парижским гражданам ЭПИЗОДЫ КРОВАВОЙ НЕДЕЛИ

Париж подвергнут блокаде; Париж бомбардируется.

Гражданки, где же наши дети, наши братья и мужья? Слышите вы рев пушки и призывный звон набата?

К оружию! Отечество в опасности.

Что это, или чужеземец опять хочет покорить Францию? Или союз европейских тиранов шлет свои легионы, чтобы уничтожить наших братьев, до основания разрушить наш город, истребив даже память о бессмертных победах, купленных целым столетием крови, победах, имя которым — свобода, равенство и братство?

Нет, эти враги, эти убийцы народа и свободы — французы!

Это братоубийственное безумие, овладевшее вдруг Францией, эта смертельная борьба-финал вечного антогонизма между правом и силой, трудом и эксплуатацией, народом и его палачами.

Наши враги — это привилегированные существующего социального строя, те которые жили нашим потом и жирели нашей нуждой...

На их глазах народ восстал, провозглашая: „нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей... Мы хотим работы, но мы хотим сами пользоваться ее плодами... Не надо эксплуататоров, не надо хозяев... Пусть работа будет для всех источником благосостояния, — пусть народ сам будет правительством — Коммуной, будем жить и работать свободными или умрем сражаясь"..

И страх предстать перед народным трибуналом толкнул наших врагов на величайшее вероломство — на гражданскую войну.

Гражданки Парижа, потомки женщин Великой Революции, которые во имя народа и справедливости отправились в Версаль и привели пленного Людовика XVI, мы, матери, жены и сестры французского народа, допустим ли мы, чтобы нужда и невежество сделали врагов из наших детей, чтобы отец восстал на сына, брат на брата, чтобы они убивали друг друга на наших глазах по прихоти наших притеснителей, сперва предавших Париж пруссакам, а теперь желающим уничтожить его.

Гражданки, настал решительный час. Надо покончить со старым миром. Мы хотим свободы. Взгляните, не одна только Франция поднимается, глаза всего цивилизованного мира направлены на Париж, все ждут нашей победы, чтобы освободиться в свою очередь. Даже Германия, та самая Германия, королевские армии которой опустошали нашу родину, обрекая на смерть каши демократические и социалистические принципы, даже она взволнована и потрясена дыханием революции. Уже шесть месяцев она об'явлена в осадном положении, а представители ее рабочих заключены в тюрьму. Даже в России правительство уничтожает защитников свободы, а на смену им появляется новое поколение, также готовое на смерть биться за республику и обновление социального строя.

Ирландия и Польша умирают, чтобы возродиться с новой энергией: Испания и Италия, вновь нашли утраченную мощь и присоединились к интернациональной борьбе народов, в Англии, вся пролетарская, живущая одним заработком масса, уже в силу своего социального положения, переходит на сторону революции; в Австрии правительство принуждено подавлять одновременно и восстание целой страны и славянских княжеств; не указывает ли это вечное столкновение между правящими классами и народом, что дерево свободы, целые века удобряемое потоками крови, принесло наконец плоды.

Гражданки, перчатка брошена, мы должны умереть или победить. Пусть женщина, думающая: „что мне в торжестве нашего дела, если я потеряю тех, кого люблю", — поймут, что есть только один путь спасти дорогих ей людей, — поддерживающего ее мужа, или сына, в котором она видит всю свою надежду. Этот путь — принять деятельное участие в завязавшейся борьбе. Надо навсегда прекратить эту братоубийственную борьбу, а она или окончится теперь торжеством народа, или возобновится в близком будущем.

Горе матерям, если народ будет опять побежден. Их малютки заплатят за поражение; ведь участь наших мужей и братьев уже решена, и реакция разгуляется вволю. Ни мы, ни наши враги не хотим милосердия.

Гражданки, решимся! соединимся, чтобы помочь нашему делу! Будем готовы защищать и мстить за наших братьев. В ворота! Парижа, на баррикады, в предместья, все - равно куда; будем готовы в нужный момент присоединить наши усилия; если негодяи, расстреливающие наших пленных и убивающие наших вождей, дадут залп по толпе безоружных женщин, — тем лучше. Крик ужаса и негодования всей Франции и всего мира завершит то, что мы начали. Если все оружие и штыки разобраны нашими братьями, то на нашу долю остаются уличные булыжники, чтобы поразить изменников.

Группа гражданок

12 апреля 1871

Парижский Journal Officiel содержит в своей официальной части следующие документы:

Версальское правительство открыто похваляется, что ему удалось ввести в батальоны национальной гвардии своих агентов и производить в них при их помощи беспорядки; враги республики и Коммуны всеми средствами стараются разрушить дисциплину батальонов и, не имея возможности победить их оружием, надеются, что обезоружат их этим путем.

Военная сила не может существовать без строгого порядка, а настоящие тяжелые обстоятельства требуют создания особо суровой дисциплины, которая бы связала в одно целое и сделала непобедимую национальную гвардию; в виду этого Парижская Коммуна постановляет.

§ 1. При каждом легионе немедленно образуется военный совет.

§ 2. Эти военные советы состоят из семи членов, а именно: председателя, штаб-офицера, двух офицеров, унтер-офицеров и двух национальных гвардейцев,

§ 3. В каждом батальоне образуется дисциплинарный совет.

§ 4. Число членов дисциплинарных советов определяется по числу рот данного батальона, считая по одному представителю на роту, без различия чина.

§ 5. Члены военного совета избираются ротными уполномоченными.

§ 6. Национальные гвардейцы легиона и батальона подсудны военным и дисциплинарным советам.

§ 7. Военный совет назначает все наказания на основании обычая.

§ 8. Назначаемые военным советом телесные и позорящие наказания приводятся в действие не иначе, как после ратификации приговора специально созданным для этой цели ревизионным судом.

Эта ревизионная комиссия составляется из семи лиц, избранных национальной гвардией в военный совет и еще не вступивших в должность.

§ 9. Дисциплинарный совет имеет право налагать арест сроком от одного до тридцати дней.

§ 10. Офицер имеет право подвергнуть своего подчиненного заключению сроком от одного до пяти дней, но обязан немедленно представить дисциплинарному совету достаточные мотивы для наложения наказания.

§ 11. В каждом батальоне и легионе составляется ведомость назначенных за истекшие сутки наказаний, представляемая каждое утро в крепость.

§ 12. Ни одно серьезное наказание не может быть приведено в исполнение без того, чтобы копия приговора или постановления была визирована исполнительной комиссией.

§ 13. Настоящий декрет сохраняет свою силу лишь в течение войны.

Париж, 12 апреля 1871

Принимая во внимание, что закон о сроках платежа, затрагивая многочисленные интересы, вызывает много неразрешенных вопросов и нуждается в более глубоком рассмотрении.

Парижская Коммуна постановляет: судебные преследования за просрочку должны быть отложены впредь до опубликования в Journal Officiel декрета о платежных сроках

Париж, 12 апреля 1871

В газете Le Vengeur читаем:

Исполнительная комиссия Коммуны предписала уполномоченным мэрий не делать разницы, при назначении вознаграждения национальным гвардейцам, между законными женами и так называемыми незаконными сожительницами.

В неофициальной части Версальского Journal Officiel напечатано следующее:

Сегодня не отмечено ни одной стычки.

13 апреля 1871

Принимая во внимание, что императорская колонна на площади Вандом является памятником варварства, символом грубой силы и ложной славы, утверждением милитаризма, отрицанием международного права, вечным оскорбительным вызовом победителей побежденным, постоянным покушением на один из трех великих принципов французской республики — братство.

Парижская Коммуна постановляет:

Вандомская колонна должна быть снесена.

16 апреля 1871

В неофициальной части Journal Officiel de Paris напечатано:

15 апреля, 7 час. утра.

Генерал Эд военному министру генералу Кюзере и Исполнительной Комиссии Кажется, все окончено; ночь была ужасна. Сражение не прекращалось с десяти часов вечера. Наиболее сильную атаку выдержал форт Ванв. Роялисты понесли громадные потери.

Они отброшены по всей линии. Победа эта должна быть записана на знаменах Коммуны. Наши федераты — герои; они дрались, как львы. Я прошу вас упомянуть о них о всех в приказе.

Особого упоминания заслуживает гражданин Ледрю, комендант форта Ванв. Более подробный рапорт пришлю по получении всех донесений.

Командующий южным фортом генерал Эд

15 апреля 1871

Принимая во внимание, что для спасения республики необходимо обезвредить всех изменников и заговорщиков, но что с другой стороны не менее важно предотвратить возможность произвола и посягательств на индивидуальную свободу,

Парижская Коммуна постановляет:

§ 1. О всяком аресте должно быть немедленно сообщено уполномоченному Коммуны по министерству юстиции, который лично или через посредство своих подчиненных допросит арестованного, и если найдет необходимым его дальнейшее содержание под стражей, распорядится о заключении его в тюрьму.

§ 2. Арест, о котором в течение суток не было доложено уполномоченному по юстиции, считается произвольным, и произведшие его будут преследоваться законом.

§ 3. Обыски и реквизиции не могут быть производимы без предписания компетентной власти или ее непосредственных органов, носителей законных полномочий, выданных от имени учрежденных Коммуной властей.

Всякий произвольный обыск или реквизиция повлекут за собою арестование лиц, которые их произвели.

Париж, 14 апреля 1871

7 апреля 1871

В официальной части Journal officiel de Paris содержатся следующие документы:

Принимая во внимание, что многие мастерские брошены своими хозяевами, которые стремятся, не считаясь с интересами рабочих уклониться от исполнения своих гражданских обязанностей, и что вследствие этого оказались прерванными многие необходимые для жизни Коммуны работы и подорвано благосостояние рабочих,

Парижская Коммуна постановляет:

Рабочие синдикальные камеры созываются для учреждения осведомительной комиссии, имеющей целью:

§ 1. Дать статистику брошенных мастерских с точным описанием состояния, в котором они находятся и перечнем имеющихся в них инструментов.

§ 2. Представить доклад о практических мерах, которые могли бы быть приняты для скорейшего пуска в ход этих мастерских,

переданных из рук покинувших их дезертиров в ведение кооперативной ассоциации занятых в них рабочих.

§ 3. Выработать проект устава этих рабочих кооперативных товариществ.

§ 4. Учредить третейский суд, который по возвращении хозяев подобных мастерских устанавливал бы условия окончательной их уступки рабочим товарищества и размер вознаграждения, уплачиваемого товариществами бывшему хозяину.

Осведомительная комиссия должна будет представить свой отчет коммунальной комиссии по организации труда обмена, на обязанности которой лежит составление, в возможно скором времени, проекта декрета, отвечающего, как интересам Коммуны, так и интересам рабочих.

Париж, 16 апреля 187 г.

В газете *Le cri du peuple* читаем:

Вчера противник дважды произвел по всей линии ожесточенную атаку. Нам удалось всюду с успехом и без потерь отогнать неприятеля. Генерал Домбровский стоит в ста метрах от моста Нельи.

Деревню пришлось брать дом за домом. Наши потери за день — 5 раненых и 3 убитых.

Военный уполномоченный *Клюзере*

Две тысячи жандармов были окружены на острове Гранд-Жатт и взяты в плен. Остальные были отброшены за мост Курбува, после чего мост был взорван.

18 апреля 1871

В официальной части парижского *Journa Officiel* содержатся следующие документы:

Закон о сроках платежа

Парижская Коммуна постановляет:

§ 1. Уплата долгов по всевозможным обязательствам, подписанным не позднее сегодняшнего дня и обусловленных сроком, как то: векселям по пред'явлению, векселям, заемным письмам, урегулированным счетам, полюбовным сделкам и т. д. производится в течение трех лет, начиная с 15 июля текущего года, без начисления процентов за это время.

§ 2. Сумма долга делится на двенадцать одинаковых купюр и выплачивается, начиная с той же даты, по триместрам.

§ 3. Пред'явители нижеперечисленных долговых обязательств могут сохранить свои первоначальные документы и домогаться выплаты по ним посредством векселей и т.п., указывая при этом на характер обязательства и обеспечивающие его гарантии, по § 2.

§ 4. Судебное преследование, в случае отказа в признании документа или отказа в уплате по нему, может относиться только к соответственной купюре.

§ 5. Должник, воспользовавшийся отсрочкой, предоставляемой ему настоящим декретом, и расхитивший, отчудивший или уничтоживший свой актив тайно от своего кредитора, если он коммерсант, будет считаться злостным банкротом, если не коммерсант виновным в мошенничестве. Как таковой, он может быть подвергнут судебному преследованию, по инициативе либо своего кредитора, либо прокурорского надзора.

Париж, 16 апреля 1871

Профессора Высшей Медицинской Школы покинули свой пост; чтение их курсов отложено.

В виду необходимости немедленно прекратить подобное положение дел, комиссия просвещения постановляет:

§ 1. Практикующие в Париже врачи и военные лекаря всех округов приглашаются в будущую субботу, 22 апреля в 1 час дня на собрание в соответствующие мэрии для избрания двух уполномоченных в каждом округе.

§ 2. Студенты медицины, записанные в Высшей Школе, интерны и экстерны госпиталей также приглашаются в будущую субботу 22 апреля в 1 час дня в большой амфитеатр Школы для избрания десяти уполномоченных.

§ 3. Граждане врачи Дюпре и Рамбо озаботятся пригласить своих коллег свободных профессоров на специальное собрание для производства выборов трех делегатов.

§ 4. Избранные на этих собраниях уполномоченные, снабженные соответствующими доверенностями, соберутся в будущее воскресенье 23 апреля, в 1 час дня в большом амфитеатре Высшей Медицинской Школы. Собрание выберет председателя и двух его товарищей, и под их руководством займется составлением проекта медицинской реорганизации. Если собрание найдет нужным, оно может выделить комиссию из пяти член о, для выработки основных пунктов проект, который затем в возможно скором времена будет подвергнут обсуждению на общем собрании делегатов.

§ 5. Проект и протокол прений будут сообщены комиссии просвещения, помещающейся в городской ратуше; в свою очередь, она передаст их в общее собрание Коммуны, призванное принять окончательное решение,

§ 6. Гражданам уполномоченным при мэриях предлагается отвести помещение для производства выборов.

Париж, 17 апреля 1871

Члены Коммуны, уполномоченные по Комиссии просвещения

Всякий гражданин, снабжающий Париж продовольствием, имеет право на всякое покровительство и льготы; в виду этого Коммуна постановляет:

всякий гражданин, прибывший в Пария с каким-нибудь товаром, получает бесплатно при в'езде пропускной билет для в'езда в город и обратно, снабженный его подписью, обозначением его возраста и роста, перечислением привозимых им для продажи товаров.

Член Коммуны, уполномоченный по министерству торговли *Паризель*

В неофициальной части парижского Journal Officiel содержится следующее:

Военное донесение

Все идет хорошо. Наша артиллерия разбивает неприятельские батареи.

Мы энергично и успешно отбили повторные атаки противника, причем за последнюю атаку не понесли потерь ни ранеными, ни убитыми. Моральное настроение войск превосходно, каждый солдат горит нетерпением скорее покончить с версальскими полчищами.

Ванв, 27 апреля 1871

Коммендант форта *Ледрю*

28 апреля 1871

В официальной части парижского Journal Officiel напечатано следующие документы:

Декларация французскому народу

В дни грозного и печального конфликта, грозящего Парижу ужасами новой осады и бомбардировки, когда льется французская кровь, когда гибнут под ядрами и картечью наши братья, наши жены и дети, необходимо, чтобы ничто не смущало национальной совести и чтобы общественное мнение было единодушно.

Париж и вся страна должны знать характер, причину и цель совершающейся революции. Ответственность за наши траур, страдания и муки должна пасть, наконец, на головы изменников, предавших Францию и открывших Париж врагам, а теперь в слепом и жестоком упорстве своем добивающихся гибели великого народа; чтобы похоронить под обломками республики и свободы двойное доказательство их измены и преступления. На Коммуне лежит обязанность определить и подтвердить надежды и желания парижского населения и выяснить характер движения 18 марта, непонятый, неосознанный и оклеветанный политическими деятелями, заседающими в Версале.

Париж опять работает и страдает для всей Франции; его битвы и жертвы готовят ей интеллектуальное и моральное, административное и экономическое возрождение, ее славу и преуспеяние.

Чего добивается Париж?

Признания и упрочения республики, единственной формы правления, совместимой с правами народа, с правильным и свободным развитием общества.

Полной автономии каждой коммуны на всем протяжении Франции, обеспечивающей каждой из них всю совокупность ее прав, а каждому французу — полное развитие его сил и способностей, как человека, гражданина и работника.

Автономия Коммуны должна быть ограничена только автономиями других связанных с нею коммун, союз которых укрепляет единство Франции.

Принадлежащие коммуне права суть:

Право вотирования коммунального бюджета, доходов и расходов; установление и распределение налогов; управление местными службами; организация магистратуры, внутренней полиции и народного просвещения; управление принадлежащими Коммуне имуществами;

назначение посредством выборов или конкурса ответственных и подлежащих постоянному контролю и отозванию магистратов или коммунальных чиновников всех степеней;

полная гарантия индивидуальной свободы, свободы совести и свободы труда;

постоянное участие граждан в коммунальных делах, путем свободного манифестирования своих взглядов и свободной защиты их интересов; Коммуна должна гарантировать свободу этих манифестаций, так как на ней одной лежит обязанность надзора и обеспечения правильного и свободного пользования правом гласности и собраний;

организация городской безопасности и организация национальной гвардии, избирающей себе своих начальников, поддерживающей в городе порядок;

Париж не требует других местных гарантий, разумеется, при условии, что в центральной администрации, делегации федеральных коммун, он найдет осуществление на практике этих же самых принципов.

Но в силу своей автономии Париж пользуется свободой действия и сохраняет за собою право произвести по собственному разумению административные и экономические реформы, которых желает его население; создать учреждения, способствующие развитию просвещения, производительности, кредита и обмена; принять меры к обобществлению власти и собственности, следуя потребности момента, желанию заинтересованных сторон и данным опыта.

Наши враги ошибаются или сознательно обманывают страну, обвиняя Париж в желании навязать свою волю или свое главенство остальной нации, в стремлении к диктатуре, которая, конечно, была бы покушением на независимость и суверенитет других коммун.

Они ошибаются или обманывают страну, говоря, что Париж хочет разрушить единство Франции, единство, созданное революцией и единодушным признанием наших отцов, пришедших с всех концов старой Франции на праздник федерации.

Политическое единство, как его навязывал; нам до сих пор империя, монархия и парламентаризм, — есть централизация деспотическая, неразумная, основанная на произволе и крайне тягостная.

Но политическое единство, как его понимает Париж, это добровольная ассоциация всех местных инициатив, свободное и ничем не вынужденное сотрудничество всех индивидуальных энергий, стремящихся к общей цели благосостоянию, свободе и безопасности всех.

Коммунальная революция, начата по народной инициативе 18 марта, открывает новую эру экспериментальной, позитивной и научной политики.

Это конец старого чиновничьего и клерикального мира, конец милитаризма, бюрократизма, эксплуатации, ажиотажа, монополий и привилегий, всего того, что поддерживало рабство пролетариата и навлекло столько бед и несчастий на родину.

Наша великая, дорогая родина, обманутая этой ложью и клеветой, должна, наконец, узнать истину.

Борьба, возгоревшаяся между Парижем и Версалем не такова, чтобы окончиться призрачным компромиссом: исход, ее должен быть несомненным. Победа, к которой с несокрушимой энергией стремится национальная гвардия, должна принадлежать идее и праву.

Мы взываем к Франции.

Она знает, что вооруженный Париж полон мужества и спокойствия, что он энергично, с энтузиазмом поддерживает порядок, героически и сознательно приносит себя в жертву; что он вооружился единственно из преданности свободе и общей славе, — и Франции прекратит это кровавое столкновение.

Франция должна торжественно проявить свою непреклонную волю и обезоружить Версаль.

Вся Франция воспользуется нашими победами; пусть же она покажет себя единодушной с нами; пусть она будет нашей союзнице в этой борьбе, исходом которой будет или торжество идей коммуны или разрушение Парижа.

А мы, граждане Парижа, наше призвание - совершить современную революцию, самую широкую и плодотворную из всех, когда-либо озарявших историю.

Наш долг бороться и победить.

Париж, 19 апреля 1871
Парижская Коммуна

В версальском Journal Officiel в неофициальной части напечатано следующее:

Париж желает руководить всей Францией; но кто же управляет Парижем? Американец Кюзере, пруссак Франкель, русский Домбровский, литовец Брунвик, итальянец Романелли и Околович, считающийся поляком, — люди, по большей части, отвергнутые и осужденные своими соотечественниками.

21 апреля 1871

Парижскому народу

Граждане!

Прошло едва семь месяцев с тех пор как наши братья из Нельи пришли искать в стенах Парижа убежища от прусских пушек.

Не успели они вернуться к своим очагам, как их опять выгоняют оттуда уже французские пушки.

Наши об'ятия и наши сердца открыты для этих несчастных.

Пять членов Коммуны имеют специальное поручение встречать у городских ворот этих женщин и детей, эти невинные жертвы монархического злодеяния.

Муниципальные власти позаботятся доставить им кров.

Чувство человеческой солидарности, столь сильное в каждом гражданине Парижа, обеспечит им братское гостеприимство.

Париж, 25 апреля 1871
Исполнительная Комиссия:

Жюль Андрие, Кюзере Франкель, Журд, Паскаль Груссе, Прото, Рауль Риго, Вальян, Виар

Комиссия, состоящая из пяти членов Коммуны, граждан Уде, Бержере, Жоанар, Фортюне (Анри) и Эда, назначена присутствовать при в'езде в Париж граждан г. Нельи и принять необходимые меры для обеспечения защиты города.

Считая своим долгом доставить помещение жертвам второй бомбардировки Парижа и в виду неотложной необходимости разрешения этого вопроса,

Парижская Коммуна постановляет:

§ 1. Все пустующие помещения об'являются реквизированными.

§ 2. Помещения эти предоставляются по мере спроса на них в пользование жителям бомбардируемых кварталов.

§ 3. Реквизиции должно предшествовать составление описи помещений, копия с которой вручается представителям отсутствующих владельцев.

На мебель, содержащую легко переносимые предметы, налагаются печати.

§ 4. Муниципальные власти озаботятся немедленным исполнением настоящего декрета. На их же обязанность возложено, по мере возможности, облегчить условия переезда гражданам, подавшим об этом заявление.

Париж, 25 апреля 1871

12 мая 1871

Парижский Journal Officiel содержит в своей официальной части следующие документы

Парижскому народу

Граждане!

Коммуна и республика едва избегли смертельной опасности.

Измена проникла в наши ряды. Реакция, не надеясь победить Париж оружием, пытается дезорганизовать наши силы подкупом. Брошенные ею пригоршни золота нашли подкупную совесть даже в нашей среде.

Оставление форта Исси, о котором возвестил в своей афише сам предатель, было лишь первым актом драмы: за ним должно было последовать монархическое восстание внутри города, связанное со сдачей одних из городских ворот; мы могли свалиться в бездну,

Но победа опять - осталась на стороне права.

Все нити мрачного заговора, добычей которого едва не сделалась революция, сосредоточены теперь в наших руках.

Большая часть преступников арестована.

За их ужасное преступление последует примерное наказание. Заседания военного суда продолжаются непрерывно. Справедливость восторжествует.

Граждане!

Революция не может быть и не будет побеждена.

Но мы должны показать монархистам, что Коммуна не остановится ни перед чем, но не дозволит разорвать свое красное знамя; народ должен знать, что только от него, от его энергии, бдительности и единодушия зависит окончательный успех нашего дела.

Сегодня попытка реакции не удалась, но завтра она опять повторит ее.

Наблюдайте все за ее действиями.

Будьте готовы безжалостно поразить предателей. Соединим в последнем усилии все живые силы революции, и тогда успех обеспечен.

Городская ратуша, 12 мая 1871

Комитет общественного спасения: *Ант.Арно, Э.Эд, Ф.Гамбон, Ранвье*

Член Коммуны, уполномоченный по общественной безопасности, постановляет:

§ I. Газеты Le Moniteur Universe, l'Observateur, L'Univers, Le Spectateur, L'Etoile и L'Anonyme закрыты.

§ 2. Г.Муссю, чиновник особых поручений при уполномоченных, на обязанность которого возложено исполнение настоящего постановления, сообщит о кем редакциям всех вышеназванных газет и их типографиям, несущим ответственность за их дальнейшее печатание.

Член Коммуны, уполномоченный по общественной безопасности *Ф.Курне*

В скором времени религиозное обучение исчезнет из парижских школ.

Однако воспоминание о нем, в виде распятий, мадонн и других символов, еще остается во многих школах.

Преподаватели и преподавательницы школ должны озаботиться их удалением, т.к. присутствие этих предметов оскорбляет свободу совести.

Предметы этого рода, сделанные из ценных металлов, должны быть переданы по описи в Монетный двор.

Полномочия по охране различных книжных складов, полученные от бывшей префектуры полиции гражданином Жюлем Винсеном, переданы новому директору, гражданину Эли Реклю; ему же вручены министерством просвещения необходимые полномочия по радикальному преобразованию Национальной библиотеки.

16 мая 1871

В официальной части парижского Journal Officiel напечатаны следующие документы.

Согласно решению, одобренному комитетом общественного спасения, гражданин Жюль Фонтэн, управляющий коммунальными имуществами, постановляет,

в ответ на слезы и угрозы Тьера, осмелившегося бомбардировать Париж, а также в ответ на законы, изданные его сообщниками, деревенской ассамблеей,

§ 1. Все белье, находящееся в доме Тьера, передаются в распоряжение походных госпиталей.

§ 2. Предметы искусства и ценные книги передается национальным музеям и библиотекам.

§ 3. Мебель должна быть выставлена для осмотра и продана с аукциона.

§ 4. Деньги, вырученные от этой продажи, предназначаются целиком на выдачу содержания и пособий вдовам и сиротам жертв

этой подлой войны, виновником которой является бывший собственник отеля Жорж.

§ 5. На этот же предмет обращаются деньги, полученные от продажи остатков постройки.

§ 6. На площади, занятой отелем отцеубийцы будет разбит публичный сквер.

Париж, 25 флореаля года 79

Генеральный директор коммунальных имуществ *Ж.Фонтэн*

В газете Cri du peuple читаем:

Несколько дней назад мы получили крайне важные сообщения, достоверность которых в настоящее время не подлежит сомнению.

Приняты все меры, чтобы ни один неприятельский солдат не проник в Париж.

Неприятель может взять один за другим все наши форты. Земляные укрепления могут пасть. И все же ни один солдат не вступит в Париж.

Если г. Тьер знает химию, он поймет нас.

Пусть Версальская армия знает, что Париж пойдет на все, но не сдастся.

17 мая 1871

Приказ по 8-му легиону

Все граждане от девятнадцати до сорока лет, принадлежащие к 3-ему и 4-му батальонам и не вернувшиеся немедленно к своим частям в казарму на улице Пепиньер, будут арестованы и преданы военному суду (Наказание, угрожающее им, — смертная казнь).

Три иностранных батальона округа предоставлены в распоряжение легиона для выполнения этого приказа.

Париж, 17 мая 1871

Подполковник, помощник легионного командира начальник штаба, *Огюст Пти*

Читали и одобрили:

Члены военного бюро, *Бош, Бгесслер, Денвиль, Легалите*

Парижская Коммуна

Заседание 17 мая 1871

Публичное заседание возобновляется в четверть четвертого.

Гражданин Юрбэн передает собранию рапорт лейтенанта Бютена, констатирующий изнасилование и убийство ухаживавшей за ранеными сиделки.

Гражданин *Юрбэн*. Этот рапорт подписан лейтенантом Бютеном, 3-ей роты 105 батальона.

Я требую, чтобы Коммуна или Комитет общественного спасения сделали постановление о расстреле не позднее суток десяти находящихся в наших руках заложников, в отместку за смерть убитой маркитантки и нашего парламентаря, встреченного, вопреки всем человеческим законам, ружейными выстрелами. Я требую, чтобы пять из этих заложников были торжественно расстреляны внутри города перед делегациями всех батальонов, а другие пять — на аванпостах, на глазах национальных гвардейцев, свидетелей этого убийства. Я надеюсь, что мое предположение будет принято.

Гражданин *Ж.-Б.Клеман*. Я поддерживаю предложение гражданина Юрбэна; я получил известия от одного моего родственника, бывшего в плену в Версале. Наши пленники подвергаются там самому ужасному обращению; им да юг только немного хлеба и воды; их бьют прикладами, осыпают оскорблениями с этим надо покончить. Я предложу по этому поводу вопрос Паризелю, главе научной комиссии.

Возобновляется публичное заседание.

Гражданин *Рауль Риго*, прокурор Коммуны. Я представляю собранию следующий проект:

Парижская Коммуна в виду настоятельной необходимости постановляет:

§ 1. Предоставить временно обвинительному жюри право самому назначать наказания политическим преступникам, как только оно признает их виновность.

§ 2. Наказания должны назначаться большинством голосов.

§ 3. Наказания эти должны быть приведены в исполнение в течение двадцати четырех часов.

Рауль Риго, Юрбэн, Л.Шалэн.

Мое мнение, что следует со всей энергией отвечать на версальские убийства, но при этом надо поражать наиболее виновных, а не первых попавшихся. В то же время, должен сказать, я предпочту скорее выпустить виновных, чем поразить невинных.

Между задержанными нами людьми есть настоящие преступники, которых следует считать важнее заложников. Но жребий может упасть на менее виновных и пощадить тяжчайших преступников,

Пока не будет вполне организована юстиция, я считаю полезным учредить трибунал для расследования подобных преступлений. Заявляю также, что просил бы не считаться с давностью. Я ставлю на одну доску сторонников Версаля и сообщников Бонапарта.

Гражданин президент. У нас есть предложение, сформулированное гражданином Юрбэном,

Гражданин *Юрбэн*. Если собрание решит, что наказание не замедлит...

Гражданин *Рауль Риго*, прокурор Коммуны. Заседание обвинительного жюри назначено на послезавтра.

Гражданин *Юрбэн*. Если нам дадут возможность осуществить репрессии на законном основании, в приемлемых формах и в то же время без замедления, я буду удовлетворен.

Гражданин президент. Вот предложение Юрбэна:

В виду неотлагательней необходимости

Коммуна постановляет:

Десять заложников, назначенных обвинительным жюри, должны быть расстреляны в наказание за убийства, совершенные версальцами, и в особенности за убийство сиделки, расстрелянной ими вопреки всем законам человечности.

Пятеро из этих заложников будут расстреляны внутри Парижа, в присутствии национальной гвардии.

Пять других будут расстреляны на аванпостах, возможно ближе к месту совершения преступления.

Юрбэн

Гражданин *Прото*. Я заявляю относительно проекта гражданина Риго, что обвинительное жюри может высказываться только по вопросу о факте; в нашем кодексе нет наказаний за те преступления, о которых говорит гражданин Риго. Сперва надо определить, какие наказания налагаются за них.

Гражданин *Амуру*. Я стою за необходимость репрессий. Месяц назад мы опубликовали проект, который на некоторое время положил конец версальским преступлениям; но в конце концов мы забыли о нем, и версальцы возобновили свои убийства. Теперь, в виду происходящего, я спрашиваю, как же применяется закон о заложниках? Должны ли мы вынести смертный приговор всем задержанным под этим именем? Но разве версальцы передают суду наших национальных гвардейцев? Они хватают и расстреливают их тут же на большой дороге. Будем же и мы действовать и ответим за каждого убитого собрата тройным числом казней. У нас есть заложники, среди них несколько священников; начнем с них, версальцы дорожат ими больше, чем солдатами.

Гражданин *Вальян*. Признаюсь, я чувствую себя очень смущенным: сам я считаю себя некомпетентным в занимающем нас важном опросе, а оба компетентные лица нашего собрания держатся совершенно противоположных взглядов. Не находите ли вы полезным, чтобы граждане Прото и Риго столкнулись между собой и вынесли какое-нибудь общее решение.

Гражд. *Прото*, уполномоченный по юстиции. Нам незачем принимать какие-нибудь решения, Пусть прокурор Коммуны двум первым секциям обвинительного жюри лиц, отданных им под суд.

Гражд. *Рауль Риго*, прокурор Коммуны. В настоящих обстоятельствах я не удовлетворюсь этим,

Гражд. *Пилльо*, председатель. Не будем упускать из виду предмета наших прений, т.е. предложения Юрбэна. Великая задача данного момента — уничтожить неприятеля. Мы переживаем революцию, надо действовать революционными средствами; надо установить трибунал, который бы и судил и приводил в исполнение свои приговоры.

Один из секретарей, гражданин Амуру, читает следующий декрет:

Парижская Коммуна

Принимая во внимание, что версальское правительство открыто попирает ногами законы войны и гуманности и пятнает себя преступлениями, которых не совершали даже завоеватели французской территории;

что на представителях парижской коммуны лежит долг защищать честь и жизнь двух миллионов жителей, доверивших им свою судьбу и что следует, немедленно ее принять все требуемые обстоятельствами меры;

но что с другой стороны политические деятели, магистраты города должны согласовать общественное спасение с уважением к общественной свободе,

Парижская Коммуна постановляет:

§ 1. Всякое лицо, заподозренное в сношениях с Версалем, будет немедленно подвергнуто аресту и судебному преследованию.

§ 2. Не позднее двадцати четырех часов должно быть созвано обвинительное жюри расследования вменяемых ему преступлений.

§ 3. Приговор жюри должен быть вынесен не позже сорока восьми часов.

§ 4. Все обвиняемые, задержанные по постановлению обвинительного жюри, считаются заложниками парижского народа.

§ 5. Всякое убийство военнопленного или сторонника правительства Коммуны влечет за собою немедленную казнь тройного числа задержанных, согласно § 4.

§ 6. Военнопленные немедленно передаются обвинительному жюри, которое решает, должны ли они быть отпущены на волю или задержаны в качестве заложников.

Гражданин Президент. Ставится на голосование мотивированный переход к очередным делам „Коммуна, ссылаясь на свой декрет от 7 апреля 1871 г. и требует немедленного приведения его в исполнение, и переходит к очередным делам."

24 мая 1871

В официальной части парижского Journal Officiel содержатся следующие документы:

Парижский народ версальским солдатам

Братья!

Настал час великой борьбы народа против своих притеснителей.

Не предавайте дела рабочих.

Поступите так, как поступили 18 марта ваши братья.

Присоединяйтесь к народу: вы часть народа.

Пусть палачи человечества, аристократы и привилегированные защищаются собственными силами, тогда будет легко установить царство справедливости.

Бросайте ваши ряды.

Идите к нам, в нашу среду. Вы будете приняты с радостью, как братья.

Парижский народ верит в ваш патриотизм

Да здравствует республика, да здравствует Коммуна.

3 прэриала 79 года
Парижская Коммуна

Вставайте, все добрые граждане.

На баррикады. Враг в наших стенах.

Прочь колебания! Вперед за республику, за Коммуну и за свободу. К оружию!

Париж, 3 прэриала 79 года

Комитет общественного спасения: *Ант.Арно, Бильорэ, Э.Эд, Ф.Гамвон, Ранвье*

Комитет общественного спасения уполномочивает командующих баррикадами, где они найдут нужным, требовать открытия дверей домов.

Они могут также реквизировать для нужд своих команд все съестные припасы и годные для защиты предметы, выдавая взамен взятого квитанции, по которым Коммуной будет уплачено законное вознаграждение.

3 прэриала 79 года

Член комитета общественного спасения *Ранвье*

Комитет общественного спасения постановляет:

§ 1. Шторы и ставни на всех окнах должны быть открыты.

§ 2. Дом, из которого будет произведен хотя бы один выстрел или какое-либо враждебное действие по отношению к национальной гвардии, будет немедленно предан сожжению.

§ 3. Национальной гвардии поручено наблюдать за строгим исполнением настоящего постановления.

Городская ратуша, 3 прэриала 79 года

Комитет общественного спасения: *Ант.Арно, Э.Эд, Ф.Гамбон, г.Ранвье*

Солдатам версальской армии!

Парижский народ никогда не поверит, что вы, встретившись с ним с грудью, решитесь направить против него оружие; ваши руки дрогнут перед братоубийством.

Вы такие же пролетарии как и мы; вы так же заинтересованы в том, чтобы заговорщики-монархисты перестали пить вашу кровь и пот.

Вы сделаете то же, что сделали 18 марта, и народу не придется сражаться с теми, кого он считает братьями, с кем он желал бы сидеть рядом на пиршестве свободы и равенства.

Идите к нам, братья, идите к нам. Наши об'ятия раскрыты вам навстречу.

3 прэриала 79 года

Комитет общественного спасения: *Ант.Арно, Бильоне, Ф.Гамбон, Ранвье*

Солдаты версальской армии!

Мы имеем детей. И мы сражаемся за то чтобы нашим детям не пришлось уже, как вам, сгибаться под игом военного деспотизма.

Придет день и вы тоже будете отцами семейств.

Если вы будете стрелять сегодня в народ, ваши дети проклянут вас, как мы проклинали солдат, терзавших народ в июне 1848 и в декабре 1851 года.

Два месяца назад ваши братья, солдаты парижской армии в негодовании на презренных трусов, предавших Францию, побратались с народом; последуйте их примеру.

Солдаты, дети и братья наши, выслушайте нас, и пусть решит ваша совесть:

Если приказ подл, неповиновение становится долгом.

4 прэриала 79 года.

Центральный комитет

Граждане!

Ворота Сен-Клу, осаждаемые одновременно с четырех сторон, с горы Валериан, с холма Мортмартра, с Мулиной, с форта Исси, изменой преданного версальцам взяты штурмом, и неприятель распространился по части парижской территории.

Эта неудача не должна лишать нас бодрости, напротив — она должна усилить нашу энергию. Народ, низлагающий королей, разрушающий Бастилии, народ 89 и 93 года, народ революции не может потерять в один день все плоды эмансипации 18 марта.

Парижане! никто не должен уклоняться от участия в этой борьбе; ибо это — борьба будущего с прошлым, свободы с деспотизмом, равенства с монополиями, братства с рабством, единства народов с эгоизмом их притеснителей. К оружию!

Итак, к оружию! Пусть Париж покроеся баррикадами, пусть из-за этих импровизированных прикрытий он бросит врагам свой вызывающий, гордый военный клич, — клич победы, ибо ничто не может покорить Париж с его баррикадами.

С улиц должны быть сняты все мостовые, во-первых, неприятельские снаряды менее опасны, если падают прямо на землю; во-вторых, обломки этих мостовых могут служить в свою очередь оружием защиты; они должны быть собраны в разных местах на балконах верхних этажей.

Пусть Революционный Париж, Париж великих дней, исполнит свой долг; Коммуна и комитет общественного спасения исполнят свой долг.

Городская ратуша, 2 прэриала 79 года
Комитет общественного спасения: *Ант.Арно, Э.Эд, Ф.Гамбон, Ранвье*

К. ПЕЛЬТАН

МАЙСКАЯ НЕДЕЛЯ

Бельвиль, Лавилетт и т.д.*

Даже среди других событий майской недели ничто не может сравниться с разрушением, почти с полным уничтожением Бельвиля.

Известно, что маршал Мак Магон в официальной прокламации грозил калеными ядрами обитателям Бельвиля и смежных с ним кварталов, если они не сдадутся; приглашение, весьма ироническое, тем более, что если бы они сдались, то были бы все равно расстреляны. Главнокомандующий привел в исполнение свои слова.

В газете *Le Siecle* от 28 мая читаем: „Маршал Мак Магон исполнил свое обещание по отношению к Бельвилю. Всю ночь квартал обстреливали калеными ядрами; множество домов об'ято пламенем“.

В той же газете: „Генерал Лампро овладел валом Шомон и высотами Бельвиля.

Доведенные до ожесточения войска, не брали пленных.“

Le Siecle определяет число трупов на валу Шомон и в *Pere-Lachaise* в десять тысяч. Цифра, указывающая, до какой степени ужасна была борьба.

К чему входить во все подробности этого разгрома? Достаточно нескольких примеров.

На валу Шомон завязались переговоры между армией и федератами. Самая ожесточенная, убийственная защита была бы бесполезна. Со стороны армии два или три раза посылали парламентаров, предлагая федератам сдаться. После третьего раза федераты сдались, выговорив себе жизнь. Командующий федератами Сегень явился заявить об этом батальонному командиру пехотных стрелков, атаковавших вал.

Сегень обратился к нему со словами: „Гражданин командир...“

— Зовите меня командир или сударь, я не хочу, чтобы меня называли гражданин.“

Сейчас же возникает ссора: офицер-федерат называет версальца бонапартистом, вандейцем; стрелковый офицер дает взводу приказ ответить за него; и Сегень мужественно умирает, скомандовав солдатам стрелять в себя.

Так было выполнено обещание „сохранить жизнь“ федератам, добровольно сложившим оружие.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

АКТЫ и ДОКУМЕНТЫ,

ЭПИЗОДЫ КРОВАВОЙ НЕДЕЛИ

* Из книги К.Пельтана “Майская неделя”, составленной им статей, появившихся первоначально в газете „Justice“.

Капитуляция была принята не без трений. Женщины и дети с бешенством требовали продолжения борьбы и осыпали оскорблениями тех, кто желал сдаться. Федератов, сложивших оружие, расprostерли на земле; на них навели митральезы и заявили: „Мы будем стрелять в первого, кто тронется с места.“

Их увели в плен.

Осталось несколько сот, отказавшихся сдаться (около четырехсот). Все до последнего были расстреляны.

Все эти подробности о взятии вала Шомон получены нами от победителей.

Вот еще эпизод в Шаронне.

Пехотные стрелки под командой лейтенанта овладели баррикадой на улице Баньоле. Немного погодя они встречают человек двадцать федератов. „Сдавайтесь, кричат стрелки, вам ничего не сделают.“ Федераты доверчиво сложили свое оружие у баррикады. После этого лейтенант заявил: „Можете идти, вы свободны.“ Но когда они уходили, взвод открыл по ним сильный огонь, и все федераты были положены на месте около дома № 68 или 70.

В числе убитых оказался пятнадцатилетний мальчик в серой лазаретной блузе и нарукавниках. Офицер приказал снять с трупа блузу и нарукавники.

Вспомогательный отряд пожарных убрал вечером трупы и зарыл их.

Все эти факты сообщены мне очевидцем, живущим в доме — 65 по улице Баньоле, самого места расстрела.

На улице Туртиль какой-то офицер убил из револьвера десять или двенадцать федератов.

Расстрелы практиковались очень широко, девятнадцатилетний мальчик, сын привратника дома № 39, был убит, так как носит панталоны на поясе.

Один привратник на улице Бельвиль донес на всех своих жильцов. Возмущенный офицер расстрелял жильцов, а вместе с ними и привратника.

Стрелевые национальные гвардейцы были еще более жестоки, чем солдаты

Можно без конца перечислять отдельные случаи расстрелов.

Вот эпизод, рассказанный мне старым линейным капралом:

„Нам привели человека в серой шинели. Штабной офицер осмотрел его ружье и приказал расстрелять пленного. Несчастному велели идти по направлению к фабричной стене, и он прошел так сотню шагов. Над его головой свистели пули. Наконец, по просьбе молодого офицера, сына славного генерала, возмущенного этим зрелищем, я опустился на колени и одним выстрелом покончил эту мучительную агонию. Я и теперь вижу этого несчастного, с обнаженной головой, с волосами и бородой, развевающимися по ветру. Он упал на спину. Я ушел, так как доблестные волонтеры встретили бы меня не слишком ласково.“

Доблестных волонтеров (строевых национальных гвардейцев) забавляла эта ужасная игра; новички упражнялись в стрельбе по своей жертве и могли бы не очень ласково встретить солдата нанесшего ей избавительный удар.

Особенно глубокое впечатление произвела на меня одна казнь: я слышал о ней чуть ли не от десяти человек. Это смерть г.Мельзесара

Г.Мельзесар был изобретатель и фабрикант железных ставок для магазинов. Его заведение помещалось на улице Прадье, к Бельвиле. Г.Мельзесар уже с 18 марта бросит национальную гвардию. Когда войска овладели Монмартром, на нем воздвигли батареи для обстрела Бельвиля. Население укрылось в погребах и подвалах. Г.Мельзесар дал у себя убежище нескольким беглецам — женщинам и детям. Одна из женщин преждевременно разрешилась от бремени в то время, когда квартал уже был занят войсками. Г.Мельзесар, движимый человеколюбием, пошел за врачом. Он взял свой патент, документы, удостоверяющие его личность и вышел на улицу; здесь он был арестован, провЖДен к стрелковому офицеру и получил от него разрешение продолжать путь за собственный риск и страх.

Немного далее он встретил длинную цепь пленных; среди них он узнал двух или трех своих рабочих и не мог удержаться от жеста сострадания, прощального взгляда... Один из солдат схватил его за руку и втолкнул в цепь. со словами; „Ну-ка, ступай и ты в хоровод.“ Таким образом его гнали ударами прикладов до пустырей у подножия вала Шомон, вдоль по пустынной улице, ведущей к парку за базаром на улице Мо.

Его вдова целых три месяца не знала ужасной истины. Три месяца, поддерживаемая упрямой надеждой, она разыскивала его, посещала тюрьмы Версаля и блокшифы, и лишь через три месяца какая-то бедная женщина, сопровождавшая партию пленных, решилась по совету соседней сообщить ей о несчастье.

Вспоминая эти эпизоды, понимаешь корреспондента Times'a, писавшего 29 мая:

„В Бельвиле сдавались массами... ни один труп не найден в позе сражающегося... тем не менее громадное число мужчин убито без дальних разговоров.“

Утверждение английского корреспондента очевидно натянуто: бои происходили в очень многих пунктах Бельвиля. Но часто убивали тех, кто сдавался.

А затем, убийства продолжались, даже тогда, когда прекратились бои.

Письма, адресованные в редакцию английской газеты, дают нам понятие о том состоянии кровавой ярости, в котором находились войска.

Один из сотрудников Times'a пишет того же 29 мая (т. е. на другой день после окончания схваток):

„Я беседовал с офицером папских зуавов, и он полагает, что и теперь следовало бы предать Бельвиль огню, сжечь его до основания. Он горько сожалеет, что снаряды Монмартрских батарей причинили Бельвилю относительно незначительные повреждения.“

Другой корреспондент пишет тогда же, описывая ожесточение солдат в Бельвиле:

„Один из офицеров, а также один из моих друзей, просили меня не оставаться вблизи солдат, так как офицер не ручался за их поведение по отношению к лицу, встретившемуся им на дороге.“

То же предостережение повторяется корреспонденту при посещении им кафе-концерта, превращенного в госпиталь.

„Предупреждение, чтобы мы не оставались в этом госпитале, является неумолимым доказательством безжалостного отношения войска к бельвильцам. *Солдаты рассматривали всякого, кто заботился о раненых, как лицо, единомышленное им и потому заслуживают такой же участи. Нам говорили, что в Бельвиле убивали даже лежачих.*“ (Times, 31 мая).

Уже после окончания боя солдаты входили во все дома, обыскивали все комнаты, помещения, подвалы, и снова начались убийства. Один уважаемый корреспондент прислал нам из Савойи, с удостоверением своей подписи, следующее свидетельское показание, относящееся к майской неделе:

„В июле 1873 года я был в кафе подле Военной Школы вместе с г.М.Л. (я опускаю имя), батальонным командиром пехотных стрелков... Он рассказывал нам, что ему было поручено занять квартал Шомонского вала; заняв его, он разослал отряды своих людей обыскать все дома, и всякого у кого, руки были не испачканы или правое плечо было замарано красным, безжалостно расстреливали.“

Таким образом все занятые кварталы, превратились в течение двух последних дней в огромные бойни.

Обратимся к описанию Times'a.

„Число мертвых в окрестностях Бельвиля и Шомонского вала так велико, что прохожих, хватают, принуждая их помогать рыть ямы для погребения трупов.“

На углу улицы Рокетт валяется более семидесяти трупов людей, взятых с оружием в руках и расстрелянных. Они лежат один на другом, кровь течет по мостовой и стекает в ручей.“

Посмотрим Le Francais:

„Почти всюду в этих убежищах (в бараках Лавилетт) нагромождены тела инсургентов, *убитых в бою* (Эти слова остаются на совести "Le Francais). Лица их, испачканные кровью и грязью и разможенные пулями (о, Francais! ведь это явно доказывает, что эти люди расстреляны! а не убиты в бою!) имеют вид ужасный, отталкивающий.“

Мы прикрыли их листвою, собранной на аллеях. Но толпа не долго щадила покров. Женщины приходили одна за другой и срывали с мертвых их импровизированные саваны (Le Français приписывает это женскому любопытству, любви к сильным ощущениям; ему не приходит в голову, что несчастные искали мужей, отцов, братьев).

Перед баррикадой из тесанных булыжников и мешков с землей, в центре ротонды трупы были убраны; но число их было вероятно громадно: кровь течет ручьями. Пушки, обломки лафетов, куча загрязненных кровью ружей, окоченевшие лошади, темные лужи, разбитые бутылки, пустые коробки из под консервов, целые хлебы, все это валяется перед всеми баррикадами квартала Лавилетт.

На единственной баррикаде улицы Ruebla пошли на смерть шестьдесят инсургентов... Целые легионы тряпичников, с корзинами на спине, рыщут по ручьям и баррикадам. Чего только нет в их жатве: ножны, портупей, кожаные мешки."

Максим Дюкам рассказывает, что он встретил в квартале человека, собиравшего с убитых обувь. Целая телега была полна обуви.

Le Soir дает следующие подробности:

„На углу улицы Рокетт и площади, в углублении, образованным старою и новою уличного чертою, были расстреляны пятьдесят инсургентов, схваченных в соседних домах. Пять или шесть добровольцев рылись в этой горе трупов и сбрасывали их, как попало, в погребальные фургоны.

Покончив с этой печальной работой, один из них, приблизился к толпе и, сняв окровавленными руками шляпу, попросил подаяния.

В нескольких шагах стояло десятка два гробов, без сомнения в ожидании новых трупов из соседних домов."

Под впечатлением одной только прогулки по бульвару Ришар-Ленуар le Temps пишет:

„Вся окрестность обращена в развалины: окровавленные одежды, почерневшие от пороха трупы, лошади с распоротым брюхом, обломки оружия и артиллерийских повозок... Земля, покрытая мокрыми пятнами, кажется, пропитана кровью."

Газета цитирует le Siecle:

„Говорят, что вал Шомон и Pere La-chaise усеяны трупами. Мы должны ожидать страшной чумы, если не будут приняты меры для ее предотвращения."

La Patrie дает изображение улицы Ruebla, покрытой лужами крови.

Таков был вид этих кварталов, к которым армия отнеслась слишком снисходительно, по мнению беседовавшего с корреспондентом Times'a офицера папских зуавов.

Победа армии в последних покоренных кварталах характеризуется тем, что зверства, происходившие в других местах, принимают здесь ужасающие размеры. Убийство превращается в полное уничтожение, места побоищ насчитывают горы трупов. Тоже самое можно сказать о пленных: дело идет уже не о сотнях подозрительных; лютей уводят тысячами. Ничего подобного мы не видали со времен древних побед варваров, когда, победители хотели опустошить все города, всю страну, и безжалостная солдатчина, кончив убийства, вводила в плен все население.

На этот раз генералу Галлифе удалось войти в Париж: он и действовал при усмирении. В Gaulois от 30 мая читаем: „Бригада Галлифе увела в плен партию в 5000 человек, захваченных сегодня ночью." Вам кажется невозможною цифра 5000? Посмотрите la Patrie от 30 мая: „Вчера, в воскресенье, громадная партия пленных из Бельвиля направилась к западу Парижа." La Patrie исчисляет эту партию в пять или шесть тысяч. По словам газеты, голова колонны достигала Триумфальной Арки, когда хвост находился еще на площади Согласия. Более умеренный Times говорит: „Громадное число пленных под конвоем кавалерии пересекло бульвары; полагают, что их было пять тысяч; вероятно, эта цифра преувеличена."

Вслед за этой партией Patrie упоминает другую, в две с половиной тысячи человек.

Нет сомнения, что эти бесконечные партии на всем протяжении своего пути оставляли за собою трупы.

Англичанин, рассказ которого я уже цитировал, — он помещен в октябрьской книжке.

Masmillan's Magazine, — принадлежал к одной такой партии пленных. Он дает описание сцен, происходивших перед тем, как колонна двинулась в путь:

„Возле меня был какой-то несчастный ребенок лет девяти; он спокойно стоял рядом исподтишка бросая на меня взгляды. Наконец он решился и просунул в мою руку свою маленькую рученку; до конца этого ужасного дня он не переставал сжимать мою руку.

Тем временем расстрелы продолжались. Я насчитал их двадцать, но мне кажется, потом было произведено еще шесть или семь. Почти все казненные были офицеры национальной гвардии”.

Я выписываю из Times'a рассказ о переходе пленных через Париж. Английский корреспондент видел в партии много женщин, некоторых переодетых в мужское платье, маркитанок, лазаретных сиделок, совсем юных мальчиков, стариков, более полторы тысяч солдат регулярной армии в вывороченной наизнанку одежде.

„Какой-то человек, смуглый, с черными глазами, крепкого сложения, сел на углу улицы de la Pais, отказываясь двигаться далее. После нескольких попыток заставить его идти, солдат потерял терпение и два раза пырнул его штыком: ему приказали подняться и идти вместе с другими. Как и можно было ожидать, приказание не возымело действия. Тогда его схватили и посадили на лошадь; но он сейчас же свалился вниз. Его привязали к хвосту лошади, и она повлекла его, как королеву Брунгильду. От потери крови он лишился сознания. Наконец, обессиленный он был привязан к лазаретной карете и увезен при громких криках и проклятиях толпы”.

Другого отказавшегося идти потащили за руки и за волосы. Толпа кричала, чтобы солдаты расстреляли его.

Известно, что в укреплениях происходили новые казни.

Gaulois дополняет эту сцену еще одною подробностью. Отведя колонну на la Muette, бригада Галлифе возвратилась бульварами к Шомо некому валу. „Г.Галлифе, говорит газета, остановился на минуту в Жокей-Клуб, и был встречен здесь с искренним энтузиазмом”. Не помню, в какой газете прибавляют, что его уговаривали остаться здесь на несколько часов, но он повиновался только своему долгу... Мы знаем, что это был за долг. Скольким несчастным стоило жизни рвение г.Галлифе!

Бывший сержант-майор, ныне подрядчик, в провинции, пишет мне следующее письмо:

„Могу ли я описать вам все ужасы ночи с 26 на 27 мая. Это было в Лавилетских бойнях; шел не прекращаясь мелкий дождь. Всю ночь мы слышали звуки стрельбы. Утром мы отправились с приятелем по направлению, откуда были слышны эти выстрелы. Мы увидели целую грудку трупов; дождь просачивался сквозь нее, и мостовая была залита кровью.

Мне повезло: мне поручили взять нескольких молодцов моей роты и произвести обыски на улицах Crimee и d'Allemagne. Сколько несчастных мы спасли, дав им возможность бежать! Нам дали неверные указания, мы не нашли никого”.

Убийства на Pere-Lachaise были прямо отвратительны.

Они начались сейчас же после боя. „Расстреливали всех, кто во что бы то ни стало желал сопротивляться”, говорит le Soir от 28 мая. В следующие дни там шли расстрелы пленных, Gaulois от 2 июня рассказывает о казни 147 федератов у Шаронской стены. „Нам не хватает мужества описать казнь ста сорока семи человек, расстрелянных на месте; трупы их были свалены один на другой”. Сто сорок восьмой спасся в какую то яму; он был настигнут и убит.

Настоящий chef d'oeuvre — эти слова Figaro от 5 июня:

„Сердце сжимается, когда, по дороге ко временному еврейскому кладбищу, проходишь мимо оврага куда инсургенты свалил трупы убитых ими ста сорока восьми жертв“.

Можно было бы подумать, что Gaulois сделался коммунарком и приписал армии убийства, совершенные федератами; но сообщение Gaulois подтверждается и другими газетами, например Pall Mall Gazette от 1 июня говорит.

„Вчера я отправился на улицу la Roquette, где только что произошла казнь ста сорока восьми федератов из тюрьмы la Roquette“.

Со своей стороны le Siele (цитированный в Temps 1 июня) говорит:

„Последние большие казни происходили в понедельник, в 3 часа пополудни на Pere Lachaise, близ общей могилы. Число казненных было очень значительно“.

Наконец, в l'Opinion nationale от 16 июня напечатано:

„Мы не хотели уйти из Pere-Lachaise, не бросив приличного христианину сострадательного взгляда на глубокие рвы, в которых, как попало, похоронены инсургенты, взятые с оружием в руках, и те, которые не желали сдаться.“

Внесем кстати некоторую поправку в преувеличенные слухи о числе казней на Pere-Lachaise и в его окрестностях.

По достоверным, можно сказать почти официальным сведениям, число погребенных на кладбище, как убитых в боях, так и расстрелянных, равняется всего 1600 человек“.

Много говорилось о расстрелах из митральез. Обыкновенно их считают легендой. Несомненно, народная молва часто видела их в таких местах, где их не было. Например, рассказывали, что бойня у казармы Лобо была произведена при помощи митральезы; это, конечно, вымысел. Не располагая точными и достоверными свидетельскими показаниями, я долго не решался верить в существование подобных казней. Но в настоящее время я в них более не сомневаюсь.

На другое утро после взятия Pere-Lachaise, г.г.Т., отец и сын, жившие тогда на улице Баньоле в доме № 65, были разбужены сильнейшим грохотом. Они поднялись на чердак своего дома, чтобы узнать причину шума, и увидели солдат, как им показалось, морской пехоты. У них были митральезы. Впереди них шла толпа пленных. Г.г.Т. видели расстрел при помощи митральез своими глазами.

Мне рассказывали другой случай.

Тридцать или сорок пленных под конвоем солдат шли по улице Ла Рокетт. На площади Вольтера их выстроили в закоулке перед железной лавочкой на углу улицы Рокетт. Их повернули лицом к стене. Солдаты расступились и открывшиеся митральезы тотчас же были пущены в ход.

В полученном мною письме я нахожу следующие подробности:

„Капитан 71 пехотного полка, чудом уцелевший при Саарбрюкене, сошел с ума после того, как сделался свидетелем без сомнения известных вам актов жестокости на дворе больницы Quinzo-Vingts. Несчастных силой втолкнули во двор, затем привезли митральезы, и совершили свое печальное дело. Этот капитан, сам отец семейства, видел там какую-то несчастную женщину с ребенком на руках; она была смертельно ранена, но никак не могла умереть; ему пришлось прикончить ее. Теперь он находится в сумасшедшем доме; его зовут К.“

Но ничто не дает такого потрясающего представления о массовых расстрелах, как диалог, который я приведу ниже.

Этот диалог был подслушан г.Улиссом Паран, твердым и лойяльным республиканцем, ныне членом муниципального совета, из книги которого я уже приводил крайне интересные выдержки. Г.Улисс Паран сохранил во время ареста свою маленькую записную книжку, которую было легко спрятать; он заносил в нее все свои печальные похождения в Люксембургских погребах, в полевом суде, в Версальской тюрьме. Он любезно показал мне эту книжечку; первая страница была вся заполнена распоряжениями на случай его казни — следовало ко всему быть готовым.

Он находился в тюрьме Сен-Пьер, р. Версале и здесь то, в субботу 3 июня, услышал разговор двух часовых под своим окном. Он записал его, если можно так выразиться под диктовку; я в свою очередь привожу его буквально, как он занесен в его книжку. По предположению г.Парана, часовые эти были переодетые солдатами полицейские агенты. Только что прошел дозор; они ждали, чтобы он удалился, желая поболтать на свободе. Вот этот диалог:

Первый. — Ты где был?

Второй. — Э, я пришел к самому концу, мы были в резерве с генералом ***. Нас повели за Инвалидов, но я видел пожары. А ты?

Первый. — Я был на Шомонском валу за Лавилетт. У нас было жарко. Когда это кончилось, мы разом приклеили к стенке сто пятьдесят человек. Стреляли прямо в толпу. Чорт побери! Даже борода курилась.

Второй. — Вот так суматоха.

Первый. — Там был какой-то старый чорт, который при всяком залпе поднимался и кричал: Да здравствует Коммуна! Ему задали коммуны, но его было не так то легко перекувырнуть.

Второй. — Кожа была толста?

Первый. — Нет, но он взбесился, потому что вместе с ним взяли его жену и дочь. Вот вопил!

Второй. — Что же, это все были национальные гвардейцы?

Первый. — Забрали всех, кто попадался

Второй. — Порядочно набралось!

Первый. — Еще бы. Мы стреляли в пятнадцати шагах. Тепло от их тел поднималось к самому лицу. И все время приходилось отступать, а то кровь заливала за каблуки.

Второй. — Ничего, все-таки они были порядочные каналы".

Ла Рокетт

Здесь когда-то федераты расстреливали заложников. Times от 2 июня вспоминает эту ужасную картину прибавляет: „Но казни на Ла Рокеттской площади ив обширной тюрьме напротив нее щедро отомстили за них". Только бойня в казарме Лобо может сравниться с ними. Но, убийства в казарме Лобо продолжались целых шесть дней, а в Ла Рокетт — всего два или три дня; и убийцы все-таки нагнали потерянное время.

Максим Дюкам посветил тюрьме Ла Рокетт значительную часть одного из своих толстых томов. Он забыл упомянуть об этих казнях. Но, они хорошо известны: о них говорили и версальские газеты и иностранная пресса. Тюремщики, сообщившие столько мелких деталей новому академику, конечно сохранили в памяти это ужасное кровопролитие. Тысячи казненных — вот что упускает из виду консервативный писатель. Мы намерены пополнить этот важный пробел.

Из переданного мне сообщения о событиях в La Roquette видно, что начальник тюрьмы был казнен тотчас же по вступлении войск. Затем, пленные со всего квартала были направлены в тюрьму. Было созвано непрерывное заседание полевого суда, состоящего из трех морских офицеров. Расстрелы продолжались два дня. Через два дня курьер привез приказ, положивший им конец.

Корреспондент Times'a пишет:

„Проходя мимо тюрьмы Ла Рокетт, мы услышали приблизительно девяносто ружейных выстрелов, потом звуки митральезы; солдаты крикнули нам, что это расстреливают пленных".

Действительно, расстреляли поражающее число пленных. Г.Лиссагарэ цитирует в своей „истории коммуны" рассказ одного из помилованных. Этот рассказ носит печать правдивости, а газетные выдержки и свидетельские показания, которыми мы можем дополнить его, покажут, что в подробностях этого рассказа нет ничего преувеличенного.

Автор рассказа вернулся домой в субботу вечером, а в воскресенье утром спокойно вышел по своим делам, но на бульваре Принца Евгения был захвачен обходом. Его отвели в Ла Рокетт. У входа стоял батальонный командир, который осматривал пленных и кричал: „направо! налево!“

„Меня послали налево, продолжает рассказчик, — и солдаты мне сказали: „Ваше дело дрянь. Вас всех расстреляют, каналий!“

Мы узнаем здесь приемы Шатле и Мазаса. „Направо, налево“. Так отправлялось тогда правосудие.

Пленных отправили на расстрел. Рассказчик стоял последним, рядом с сержантом, сопровождавшим партию на место казни. Сержант взглянул на него: „Вы кто такой?“ — „Я профессор, меня взяли сегодня при выходе из моей квартиры“. — „Есть у вас документы?“ — „Да“. — „Идем“. Сержант привел его к батальонному командиру. „Командир, здесь ошибка, у этого молодого человека есть документы“. — „Ну хорошо, направо“. И они идут к воротам. По дороге храбрый унтер-офицер объяснил профессору, что те, которые шли налево, были расстреляны. Они были самой двери, когда к ним подбежал солдат: „Сержант, командир велел вам сказать, чтобы вы отвели этого пленного налево“

Несчастный профессор сделал жест отчаяния: „Ну, расстреляйте меня“, сказал он; он только просил унтер-офицера передать семье его документы; затем он пошел, куда его посылали. Он уже видел у стены длинную цепь пленных, трупы на земле, трех священников, читающих над ними молитву для умирающих; он почувствовал, что кто-то схватил его за руку. Сержант подводил его к командиру. „Командир, нельзя казнить этого человека, у него есть документы“. — „Посмотрим“, сказал командир. Он пробежал переданные ему бумаги. На этот раз профессор действительно был отправлен направо.

Скоро собралась целая толпа пленных: по его подсчету, до трех тысяч. Весь день и всю ночь не прекращались звуки выстрелов. Утром в понедельник вошел взвод солдат. Требуют пятьдесят человек. Пленные думают, что их зовут для новых казней, и никто не трогается. Солдаты хватают первых попавшихся; среди них и профессор. Их подводят к трупам. „Поднимите этих нерях, говорит сержант, и сложите их на повозки“. Пришлось исполнить эту траурную обязанность. Некоторые из расстрелянных, повидимому, еще дышали, потому что кричали: „Вперед, продолжайте“.

Мы выбрали 1907 трупов“, говорит автор рассказа. „Вам кажется, что эта цифра преувеличена?“

Вот что говорит Times от 4 июня (корреспонденция от 31 мая).

„В воскресенье (i. e. в первый день казней, в первые часы) после вступления один англичанин, посетивший тюрьму, видел громадную гору из трехсот трупов, все жертвы массовых расстрелов; но с той поры расстрелы возобновлялись время от времени.

Со своей стороны Liberte говорит:

„Для остальных гвардейцев национальной гвардии, число которых достигало в этих местах до четырех тысяч, был учрежден в самой Ла Рокетт военный суд. Первоначальное расследование было поручено полицейскому комиссару и агентам сыскной полиции. Обреченных на расстреляние направляли внутрь; когда они ш ш, им стреляли в спину, и трупы их сбрасывали в ближайшую кучу. Все эти чудовища имели вид настоящих бандитов. Можно только пожалеть, что делались исключения.

Часть 110-го пехотного полка не ушла из Парижа после 18 марта, но она и не поступила на службу к коммуне. Она присоединилась к вступившей в Париж армии. Солдаты, находившиеся в таком положении, были потом вызваны в суд, но их судили не очень строго. Один из них (резчик по дереву) был в Ла-Рокетт. Он говорил потом одному моему приятелю, что видал, как морские стрелки расстреляли за одну ночь до 1300 человек!

Подсчет был нетруден: казни совершались правильными партиями по десяти человек в ряд. Этот солдат вместе с другими пленными выносил трупы на повозки.

Это показание вполне сходится с рассказом г. Лисагарэ. Каково же было общее число всех казненных! Триста в первые часы (Times), тысяча триста за одну ночь (рассказ солдата по-го полка), тысяча девятьсот в сутки (Лиссагарэ), а расстрелы прекратились только на третий день. Это составит три или четыре тысячи убитых в одной Ла Рокетт и, вероятно, столько же в Шатле.

Форты

После этих грандиозных избиений я уже не буду распространяться о сравнительно не больших бойнях. Но необходимо сказать несколько слов о фортах, в особенности о форте Венсенн. Что касается остальных, то выдержка из Gaulois (от 30 мая) даст читателю представление о том, что там творилось.

„Проникнув в укрепленный район первого форта солдаты нашли восемь артиллеристов коммуны, не успевших бежать; они были расстреляны“.

Но события, происходившие в Венсеннском форте заслуживают более подробного описания. Читатель с изумлением встретит здесь имена командующих армиями, Мак Магона и Винуа, которые лично присутствовали при расстрелах, и оставили за собою право производить их, сами отдавали приказания... И это когда же?.. Воскресенье 28 мая, уже после окончания борьбы, когда весь Париж был буквально залит кровью и покрыт трупами. Я следую здесь двум безусловно неоспоримым авторитетам: книге Винуа *l'Armistice et la Commune*, и аббата Кроза *Episode communal. L'abbe Grozes, aumonier de la Roquette, otage de la Commune. Son arrestation, sa captiibte, sa delibrance, racontes parui-meme*. Его рассказ был первоначально напечатан в *la Semaine religieuse*.

Венсеннский форт был последним пунктом, где еще держались федераты. Он находился в их власти и тогда, когда в Париже была разрушена последняя баррикада. По указанию Винуа, в нем находилось около четырехсот человек под командой подполковника Фальто. Они предложили сдаться на известных условиях, между прочим выговорив себе сохранение жизни и паспорта.

„За этими оговорками, говорит Винуа, скрывалась ловушка, в которую было бы глупо попасть“.

Ловушка заключалась в желании избежать резни. Винуа считал глупым — это просто не убивать пленных!

Того же взгляда держался и Мак Магон. Оправдывая себя, Винуа цитирует полученное им по этому поводу письмо маршала.

Вот оно:

Главная квартира, 29 мая

Дорогой генерал!

Мы должны предвидеть возможность того, что инсургенты не пожелают сдаться иначе, как на неприемлемых для нас условиях. Мы только тогда можем принять предложение если они сдадутся на нашу полную волю“

Последующее совершенно несомненным образом раз'ясняет нам смысл этой фразы.

Федераты взбунтовались против своих начальников, отказавшихся капитулировать на этих условиях, и пригрозили взорвать форт. Перед армией раскрыли ворота. Винуа сам вступил в форт. По его словам „десять человек, более или менее виновных“, предстали перед военным судом. Нет ни одного, намек на то, что они были расстреляны. Винуа не хочет компрометировать себя.

Но аббат Кроз, знавший и желавший спасти одного из расстрелянных, дает нам и; слов полкового священника более точные указания.

Внутри самого форта был учрежден полевой суд.

Пред судьями предстали следующие лица.

Капитан Револь, тот самый, кого хотел спасти аббат Кроз, в свою очередь несколько раз спасенный от смерти капитаном Ревелем: аббат Кроз был одним из заложников:

Делорм, генерал-лейтенант главного штаба

Багратион, начальник легиона.

Капитан Околович, брат генерала.

Сержант 18 батальона пехотных стрелков, заведывавший изготовлением пороха.

Вальян, комиссар Коммуны

Вьелье, тоже

Лепешер, тоже

Вандербюк, тоже

Таковы были эти десять лиц, „более или менее виновных“, по мнению генерала Винуа. Действительно, в их ряду было четыре гражданских чиновника, которых суд вероятно приговорил бы к нескольким годам тюремного заключения.

Но военный суд не считал их «более или менее виновными». Они предстали перед судом в полночь с 29 на 30 мая и все были приговорены к смерти; процесс длился недолго, — в три часа утра они уже были расстреляны в знаменитом Венсеннском овраге. Перед казнью им сообщили, что священник ждет их в капелле. Этот почтенный священник сопровождал их по трое к месту казни.

Девять трупов были зарыты в овраге. Таким образом, уже после окончания боя, в результате краткого судебного разбирательства, стараниями Винуа и Мак Магона было убито восемь человек из состава сдавшегося гарнизона.

Ради этого Мак Магон и Винуа рисковали взрывом Венсеннского форта.

После...

В конце мая Париж был переполнен трупами; трупы валялись повсюду — на площадях, на улицах, в домах, в квартирах; длинный ряд трупов тянулся вдоль набережной Сены; трупы плыли по течению реки. „Там и здесь зияли ямы, в которые временно сбрасывали трупы.“

Было совершенно необходимо очистить эту мертвецкую. Все тележки, все повозки были пущены в дело. „Омнибусы направлялись на бульвар Сен-Мишель, говорит Liberte, останавливались перед каждой баррикадой и мало-по-малу наполнялись кучей трупов. Вид этих карет с торчащими руками и ногами был ужасен“.

Надо было торопиться: Страшное зловоние наполняло воздух, боялись чумы.

Поспешно вырыли громадные ямы на кладбищах, на Марсовом поле и т.п. и сбросили в них трупы, засыпав их известью. В казематах укреплений сжигали трупы. На всех не хватало места. Многих вынесли за городские ворота, в траншеи Исси. Много осталось, и до сих пор лежат под мостовыми и на пустырях Парижа. Произведенные тогда же раскопки были незакончены. Уже несколько лет спустя, во время работ по приложению трамвайных рельсов, у парка Монсо нашли кости казненных.

Умиротворенный Париж все-таки остался побежденным городом. Военный и полицейский террор не прекращался. Еще долгие месяцы кавалерийские патрули, с саблей в руках или с ружьем у бедра, бороздили мирные улицы. Официозная газета Le Bien public в № от 15 июня передает случай, показывающий что с Парижем обращались еще по военному. На углу улицы Chaussee d'Antm собралась кучка народа; поводом послужила чья-то ссора с отказывавшимся ехать извозчиком. Проходивший мимо патруль примчался с саблями на голо и грубо разогнал толпу, угрожая закрыть все кафэ.

Во главе каждого квартала стоял военный. В первые дни было запрещено ходить по улицам. Объявление, расклеенное генералом Лавокупе командиром восьмого, девятого и десятого округа дает понятие о том режиме, который установился в Париже. Я привожу из него два параграфа:

§ 1. Право свободного хождения по улицам имеют только офицеры и военные чиновники, в форме; лицам гражданского звания никакие пропуски не выдаются.

§ 2. Войска должны произвести обыски во всех домах вышеупомянутых округов, с целью отобрания всякого рода оружия и задержания подозрительных лиц.

Главная квартира, Северный вокзал. 29 мая 1871

Ворота укреплений охранялись, и вход в них был строго запрещен. Банды полицейских шпионов следили за охранявшими их солдатами.

Партии пленных проходили еще в августе. Разница была только в том, что их везли по железной дороге. Некоторые округа Парижа были совсем опустошены. „В Бельвиле, говорит, *Bien public* в Xs от 15 июня, все дома между улицами Прадье и Фессар и от улицы Ruebla до улицы Бельвиль совершенно необитаемы". Все, кому случалось проходить в это время через эту часть Парижа, говорят, что шли среди полного молчания. Казалось, это был мертвый город.

Значительная часть рабочего населения была расстреляна, арестована или разбежалась. Все помнят еще момент, когда сделалось невозможным выполнить простейшие работы. Лавочник, желавший произвести ремонт своей лавочки, не мог найти в Париже столяра.

Зато вернулся „элегантный Париж". В мире виверов царило оживление. Они чувствовали себя победителями. Во время майской недели они ужинали в ресторанах на Сан-Жерменской террасе, откуда по ночам бы виден пылающий Париж. Звуки песен и хохота слышались и в отдельных кабинетах, где наслаждались этим зрелищем кутилы высшего полета и знаменитейшие куртизанки второй империи. Однажды толпа едва не расправилась с ними. Полиция была принуждена разогнать их и закрыть дома наслаждений, оскорблявшие общественный траур.

После победы это продолжалось в самом Париже. Прошлогодние парижане и парижанки, а вчерашние версальцы, заменили прогулку вокруг озера посещением обугленных развалин, памятников гражданской войны Строгий и сумрачный Париж, только что выдержавший две осады, с изумлением смотрел на эти забытые фигуры. Царило шумное веселье. Читатель знает, что *Figaro* мечтал устроить на развалинах. Городской ратуши игры по образцу Монако. *Journal de Paris* г.Эрве, орган в высшей степени консервативный, энергично клеймит г шумное веселье виверов, вспоминая по этому поводу соответствующее место из Тацита. И действительно, за спиной армии возстанавливались нравы, достойные римской империи времен упадка.

В *Gaulois* от 2 июня читаем следующее наивное замечание:

«В первые часы по вступлении войск, мы присутствовали при взрыве восторга со стороны жителей. Но мы принуждены сознаться, что это настроение не сохранилось. Париж, так долго бывший солдатом, негодует, что с ним обращаются, как с мятежником; ему кажется, что репрессии должны были прекратиться в тот день, когда подавлено было восстание; и по отношению к тем, кто вырвал его из позорнейшего рабства, он не испытывает чувства благодарности, которого в праве была бы ожидать от него Франция.

По справедливому замечанию *Gaulois* Париж не испытывал благодарности и не чувствовал себя освобожденным. Конечно, в последний период своего существования Коммуна растеряла своих приверженцев.

Многие восставали против нее за обыски; победа избавила население от обысков коммуны, но дважды подвергла его другим обыскам — во-первых при взятии квартала и, во-вторых в июне, и это не были отдельные, сравнительно редкие случаи обысков, а систематически осматривались все дома

Коммуну также упрекали за ее угнетающие аресты, за большое число заключенных. Со вступлением армии это зло прекратилось, но начались новые аресты, и число заключенных достигло сорока тысяч.

При Коммуне считали непереносимым требование особого пропуска при выезде из Парижа. Чтобы получить этот пропуск, надо было часами, стоя в хвосте у префектуры полиции и нередко в пропуске этом отказывали вследствие какого-нибудь подозрения. Теперь дело обстояло иначе. Пропуск требовался по прелшемз, но его испрашивали у военных *Biacien* во Дворце Бурбонов: и в хвосте приходилось стоять уже целыми днями (См. *le Siecle* от 1 июня).

При Коммуне офицеры федератов грубо хватали в киосках и рвали пачки враждебных городской ратуше газет. Рошфор в своем *Mot d'ordre* энергично восстанет против этого насилия. В июне это изменилось. Какой-то офицер армии, подписчик *Figaro* (в котором г. Сен Жене усердно доносил на своих товарищей из *le Siecle*) увидел в киоске номера *Siecle*, возмутился, конфисковал и разорвал их, разумеется, не заплатив (*Nation française* от 7 июня).

Коммуна издала крайне стеснительный декрет, никогда впрочем не приводившийся в исполнение; он требовал, чтобы каждый гражданин имел свидетельство о благонадежности. *Figaro* рекомендует правительству последовать примеру Коммуны. Но правительство не нуждалось в этом: оно располагало другими, лучшими средствами — доносами ружьями, повсеместными обысками.

Полиция тоже не дремала. Один из моих друзей сидел с приятелем за столиком кафе на бульваре Сен Мишель. Приятель его читал *Figaro* и, возмущенный доносами, которыми была полна эта почтенная газета, скомкал и с гневом бросил лист... Приблизился полицейский и хотел уже арестовать виновного за выражение негодования против *Figaro*. Пришлось доказывать, что он вовсе не питает дурных чувств против органа г. Вильменсана.

Убийства происходили не только в Сатори, но и самом Париже и рядом с ним, по крайней мере в трех пунктах.

Казни совершались в военной тюрьме *Cherche-Mira*, ночью в погребах.

Казни шли также в Булонском лесу. По крайней мере все газеты утверждают это. Правда *Officiel* напечатал в № от 13 июня: опровержение, с угрозой привлечь к средней ответственности в случае повторения клеветы.

„В одной газете мы читаем... Казни производятся в Булонском лесу... Всякий раз, когда число осужденных превышает десять человек... пускают в ход митральезу. Мы принуждены заявить, что газета, которая повторит эту отвратительную и нелепую клевету, будет немедленно передана в руки правосудия“.

Но это опровержение никого не разубедит.

Прежде всего оно неопределенно. Что оно опровергает? То, что идут казни, или то, что употребляются митральезы?

К чему прикидываться возмущенным при мысли о казни, в Булонском лесу, когда в других местах казни происходили совершенно явным, неоспоримым образом?

А потом, кто больше всех распространял эту „нелепую низкую клевету“? Консервативные газеты, сторонники расстрелов.

Это опровержение встретило так мало доверия, что *la Cloche*, газета вполне преданная Тьеру и его правительству, заявляя, что заметка в *Officiel* является и запоздалой и странной. Запоздалой, так как известие уже несколько дней как успело обойти всю прессу, и странной, потому что трудно преследовать за воспроизведение статьи, которая сама не возбудила преследования.

Наконец, казни производились при помощи митральезы на кладбище *Pere-Lachaise*.

Г. Л., негодяй, отставной военный, пишет по этому поводу г. Клемансо:

„Мой отец жил с 1866 г. на улице Евпатории в Бельвиле; в качестве лейтенанта национальной гвардии, он принимал участие в обороне Парижа (против пруссаков)... В декабре ревматизм заставил его бросить службу... 29 мая письмо от моего кузена, его соседа, уведомило меня, что он находится в крайне тяжелом состоянии. После разных хлопот и формальностей, о которых вы догадываетесь сами, мне удалось проникнуть в Париж 1 июня; мой отец уже умер. — Я похоронил его гражданским обрядом 4 июня и остался в Париже до 7-го.“

Утром 2 июня, около 4 часов, я слышу какой то звук, точно от раздираемой материи, похожий на нестройную пальбу целым взводом. — Ах, это кофейные мельницы в Pere-Lachaise! Парижское остроумие! Жители прозвали так митральезы, заменившие карательные взводы.

Я отправился по дороге в Шарон; в стене была пробита брешь: через нее, без сомнения, проводили убиваемых; к ним присоединяли и несчастных, скрывавшихся в могилах и покидавших свое убежище под влиянием голода. Я утверждаю самым точным образом, под честным словом, что до 7 июня, когда я покинул Париж, каждое утро в течение получаса с 4 до 4 1/2 часов производились казни митральезами. Одна семья, жившая в этом квартале, говорила мне, что убийства продолжались ДО 12 ИЮНЯ.

Познакомившись с этими подробностями, читатель поймет цену негодующего опровержения Officiel о казнях в Булонском лесу.

Или то, что было позорным в восточной части Парижа, не было позорным в западной?

Один почтенный парижский ремесленник сообщил мне письменно и потом устно еще более отвратительные картины, которые он видел своими глазами в первой половине июня 1871 г.

В долине Исси и Ванва существуют как известно вне городских стен катакомбы, с давних времен приспособленные для культуры шампиньонов; шахты, по которым в них спускаются расположены очень близко одна от другой.

В этих подземных галлереях укрылись многие федераты. Часть гарнизона фортов, как свидетельствуют газеты того времени, пыталась спастись через эти катакомбы. Другие продолжали прятаться там. Некоторые так и умерли там с голода. Свидетель, рассказавший мне нижеследующее, прогуливался однажды с приятелем между фортами Исси и Ванв. Вдруг они с удивлением заметили солдат, стоявших, повидимому, на часах. Приятели направились к одному из них. Он стоял за кучей камней в нескольких метрах от спуска в шахту. На их вопрос солдат дал им все разъяснения. Голод постепенно выгонял федератов из их убежища и время от времени они один за другим отваживались выйти наружу. Бледные, исхудалые, ослабевшие, не похожие на людей, ослепленные не виденным светом, они шли ощупью, спотыкаясь, как слепые; но едва они делали семь—восемь шагов, как спрятанный в засаде солдат стрелял и укладывал их на месте.

Путники прошли мимо более, чем 18 спусков и везде видели одно и то же.

Это была настоящая охота, спорт и солдат от души увеселялись гримасами несчастных выходцев из мрака. Часовой с юмором начал рассказывать свидетелю, как „они“ кривляются. Вдруг он прервал свой рассказ восклицанием: „Тише! Говорите шопотом! Там один, я слышу, поднимается“.

Дичь далеко не уносили. Тут же рядом кучки земли кое-как прикрывали трупы несчастных, уже угодивших под выстрел.

В нашей библиотеке и сообществе «Знание - власть» читайте также:

Парижская коммуна 1871 года. Время, события, люди

Под общ. ред. Молока А.И. М.: Политиздат, 1970. 288 с. с илл.

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/58572.html

http://politazbuka.ru/knigi/molok_red_parizhskaia_kommuna_1871_g_vremja_sobytiia_ljudi.djvu

Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира (М.: ИЛ, 1962)

http://politazbuka.ru/knigi/duclos_na_sturm_neba.djvu

Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда, А.И.Молока, Ф.В.Потемкина (М.: Изд-во АН СССР, 1961)

Том 1

http://politazbuka.ru/knigi/parizhskaia_kommuna_1871.vol1of2.djvu

Том 2

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/60783.html

П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959.) План Парижа 1871 г. Военные действия коммуны
http://community.livejournal.com/znanie_vlast/59209.html
http://politazbuka.ru/knigi/kerzhencev_istorija_parizhskoj_kommuny_1871_g.djvu

А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 года (Л., 1924). По документальным источникам
Борьба за светскую школу. Организация народного образования
Клубы
Женское движение
http://narod.ru/disk/8728789000/commune_mol24.pdf.html

И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг.: лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) (М., 1952)
Франко-прусская война. Падение Второй империи
Парижская Коммуна
Революция 18 марта
Парижская Коммуна – государство нового типа
Социально-экономическая политика Парижской Коммуны
Борьба Коммуны с версальцами
Историческое значение и уроки Коммуны

Франция в 1870-1914 гг.
1. Третья Республика во Франции в конце XIX в.
Особенности хозяйственного развития Франции в конце XIX в.
Борьба за республику
Умеренные республиканцы у власти
Гед и Лафарг. Образование рабочей партии
Буланжизм
Франко-русский союз
Панамский скандал
Социалистическое и рабочее движение в 90-х гг.
Дело Дрейфуса. Борьба демократии с реакцией
Измена Мильерана
Колониальные захваты
2. Третья Республика во Франции в нач. XX в.
Особенности французского правительства
Внутренняя и внешняя политика радикалов
Социалистическое и рабочее движение в нач. XX в.
Усиление реакции. Подготовка к войне

Германия в 1870-1914 гг.
Государственный строй Германии после объединения
Экономическое развитие Германии в 1870-1900-х гг.
Буржуазные и помещичьи партии. «Культуркампф»
Рабочее движение в 70-х гг.
Закон против социалистов (1878 г.)
Внешняя политика Бисмарка
Вильгельм II (1888-1918 гг.). Отставка Бисмарка
Германская социал-демократия после отмены «исключительного закона». Ревизионизм
Внутренняя и внешняя политика германского империализма в нач. XX в.
Рабочее движение и германская социал-демократия в нач. XX в.
Назревание политического кризиса накануне первой мировой империалистической войны
http://narod.ru/disk/8825578000/comm_guer.pdf.html

Э.Вандервельде. Парижская Коммуна (М.: изд-во Всерос. Центр. Исполнит. Комитета Совета Р., С., Кр. И Казач. Депутатов. 1918)

Париж после осады
Заговор реакционеров

18 марта

Выборы Коммуны

Дни надежды

Министры Коммуны

Финансы Коммуны

Ошибки

Агния Парижа

Защита

Показания противников

Репрессии

Победители Коммуны

Поджоги Парижа

Программа Коммуны

Вывод

Красная Троица

Декларация, обращенная к французскому народу

http://narod.ru/disk/8872776000/comm_vanderw.pdf.html

Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981). Отв.ред.

В.М.Далин

Введение

1. Английская буржуазная печать о Парижской Коммуне

2. Английская прогрессивная интеллигенция и Парижская Коммуна

3. Английские очевидцы о Парижской Коммуне

4. Выступления английских рабочих в защиту Парижской Коммуны

Заключение

Библиография

http://narod.ru/disk/8863404000/commune_eng1.pdf.html

http://narod.ru/disk/8863419000/commune_eng2.pdf.html

http://narod.ru/disk/8872704000/commune_eng3.pdf.html

http://narod.ru/disk/8872761000/commune_eng4.pdf.html

Пьер Дюпон. Песнь трудящихся

<http://al-hromov.livejournal.com/31118.html>

Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны. Т.1 (М.: Худ.лит-ра. 1947)

От автора

1. Поэзия 72 дней Парижской Коммуны

2. Коллективная поэзия заключенных коммунаров

3. Луиза Мишель

4. Гастон Кремье

5. Юмор в тюрьме

6. Поэты острова Ну

7. На острове Сосен

8. Поэзия эмигрантов Коммуны. Массовая поэзия

9. Поэзия эмигрантов Коммуны. Шарль Келлер

10. Эжен Потье

11. Жан-Батист Клеман

12. Эжен Шатлен

13. Борьба за амнистию во французской поэзии 1870-х годов

14. Виктор Гюго и Парижская Коммуна

Предварительные итоги

Писатели, жертвы кровавой недели

Указатель собственных имен

Библиография

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/73852.html

http://politazbuka.ru/knigi/danilin_poety_parizhskoj_kommuny.djvu

или меньшими файлами:

http://narod.ru/disk/8825604000/comm_poet1.pdf.html

http://narod.ru/disk/8825624000/comm_poet2.pdf.html

http://narod.ru/disk/8825639000/comm_poet3.pdf.html
http://narod.ru/disk/8825683000/comm_poet4.pdf.html
http://narod.ru/disk/8828109000/comm_poet5.pdf.html
http://narod.ru/disk/8828121000/comm_poet6.pdf.html
http://narod.ru/disk/8828142000/comm_poet7.pdf.html

Вахта памяти Парижской Коммуны 18 марта в сообществе Vive Liberta
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

Стихотворения из антологии поэзии Парижской Коммуны:
http://vive-liberta.narod.ru.biblio/folk_2.htm#commune

Ссылки на сетевые ресурсы:
http://community.livejournal.com/znanie_vlast/56602.html